Королевство Бездуш. Академия

Автор:
Марина Суржевская

Королевство Бездуш. Академия

Марина Суржевская

Королевство Бездуш #1

Одна встреча может изменить все. Из-за встречи со мной молодой заклинатель, наследник династии Вандерфилдов и блестящий студент столичной академии проиграл главное состязание своей жизни. Из-за первой встречи с этим проклятым снобом я, девушка-пустышка с окраины, обрела магические чары. Из-за меня он потерял будущее. Из-за него я потеряла себя. Нас связала постыдная тайна и ненависть друг к другу. И как же посмеялись небеса, вновь сведя нас вместе в Королевстве Бездуш.

Глава 1

Это был тот октябрь, в котором морозы ломали каменную кладку домов, а птицы замерзали на лету. По крайней мере, именно так писали газетенки различных мастей, предлагая новые улучшенные тепловаторы для обогрева, варежки с жар-нитью и куртки на особой подкладке, призванной защитить обладателя от холодов.

Для меня это был октябрь, в котором я умерла.

Порой самое значительное и судьбоносное событие жизни случается в самый обычный и даже хороший день. И с утра ничто не предвещало моей скорой кончины. Я, как обычно, проснулась на заре, быстро умылась в тесном закутке, где стояло ведро, железная бочка для омовения и узкое сидение для

естественных нужд. Потом прошла на кухню и поставила на огонь пузатый чайник, сыпанула в щербатую кружку ложку дешевого чая и сунула в рот кусочек творожной ватрушки.

Настроение было отличным. Мне всего девятнадцать, я молода и полна сил, дядя уже почти неделю не проваливался в очередной приступ, а тетушка Маргарит обещала выделить мне к празднику Костров целых три свободных дня и даже подкинуть монет, чтобы я могла съездить в переулок мастеровых за покупками. Чем не поводы для счастья? Я уже предвкушала покупку новых ботинок – обязательно с небольшим каблуком, платья с модным круглым воротничком и, если хватит синов, лакомств вроде шоколада и конфет с ореховой начинкой. Возможно, настоящий кофе тоже окажется в числе моих приобретений, хотя это, конечно, вряд ли. Да и без него вполне можно обойтись, а монеты лучше потратить на новый иллюзион, который поставят на площади прямо за переулком, где жители Котловины делают важные и приятные покупки.

А после прогулки по лавочкам и магазинчикам можно пройтись вдоль реки и завернуть на зачарованный каток, не тающий даже летом. Поглазеть на лихих ребят, любящих красоваться перед девушками, выделывая на льду невероятные трюки и прыжки. Или мы пойдем туда с Йеном!

Вот на этом этапе мечтаний сердце привычно дало сбой, а потом зачастило, как сумасшедшее. И на миг я застыла с одним ботинком в руке, мечтая о темноглазом парне, который на прошлой неделе подарил мне фиалку и позвал гулять. Приглашение я приняла и теперь с волнением ожидала вечера, чтобы встретиться с дарителем.

Но пока предстоит рабочий день, и я постаралась взять себя в руки и унять расшалившееся воображение.

Однако настроение уже подскочило до невообразимых высот, а после улетело куда-то к звездам. Напевая и подпрыгивая, я влезла в шерстяные чулки и платье, натянула старую обувь, с досадой осмотрела сбитые носы и вздохнула. Вот бы тетушка выделила денег уже сегодня! И тогда я смогла бы купить обновку до встречи с Йеном и пойти в парк, уже щеголяя каблучками. Но тетя и так старается, а у нее больной муж на руках!

Увы, с ботинками придется повременить. Зато пальто у меня новое, в красную и серую клетку! Модное! Агнесса – дочь соседки Матильды – заявила, что пальто почти такое, как носят богачи столицы, те, что проживают за оградой из белого камня и ажурных плетений зачарованной решетки. А уж она – Агнесса – знает наверняка, ведь принадлежит к числу тех счастливец, которым удалось попасть на работу в Королевство Бездуш.

Своим пальто я чрезвычайно гордилась, тем более что сшила его собственноручно. И мне оно невероятно шло, не зря же Йен из всех девчонок обратил внимание именно на меня? Так что выше нос, буду смотреть на пальто, а не на ботинки!

Наряд дополнила шапочка и вязаные варежки, тоже не очень модные, зато теплые. Все-таки на дворе не лето!

Улыбаясь и предвкушая чудесный вечер, я чмокнула в лысеющую макушку дядю, пожелала ему хорошего дня и покинула нашу маленькую квартирку на втором этаже старого дома в Третьем Тупиковом переулке.

Конечно, птицы на лету не замерзали, несмотря на вопли газетенок, хотя было довольно прохладно. Но меня грели предвкушение и азарт, и до мастерской я долетела, не заметив кусающего щеки ветра.

«Платье на заказ, переделка и штопка» – гласила кривоватая надпись над входом. Мастерская находилась недалеко, всего в двух кварталах от дома, и добежала я быстро. А там уже окунулась в привычную атмосферу ниток, иголок, кусочков ткани, вредных и не очень клиенток – всего того, что составляло мою работу. Я была на подхвате, как говорила тетя – девочка на все. Где подать, где убрать, где улыбнуться противной старухе с Вербной Аллеи, которая уже в третий раз требует перешить платье, потому что в нем ее грудь кажется плоской! И не скажешь ведь, что груди у нее нет уже с десяток лет!

Я улыбалась, поила женщину какао и разливалась птичьей трелью, потому что старуха хоть и пакостная, но постоянная клиентка, и возможно, именно на оставленные ею монеты я куплю себе новые ботинки!

А потом, выпроводив успокоившуюся клиентку, я бросилась в мастерскую, и там уже кроила и сшивала до обеда. Ну а после понеслась в чайную старого

Пантерса, где меня ожидали ряды грязных чашек, запятнанных скатертей и новая порция жалоб от хозяина заведения. Его я слушала в пол уха, зная наизусть каждый рассказ о жадных посетителях, жалеющих лишний син за чашечку такого восхитительного чая! А ведь господин Пантерс выписывал коробочки из самих предгорий, а заваривал по старинным рецептам своей бабушки! Да разве есть во всей Тритории напиток вкуснее! Да в самом Бездуш не подают такой чай!

Я сочувственно кивала, не забывая драить полы. Иногда мне казалось, что господин Пантерс оплачивает мои уши, безропотно выслушивающие его стенания, а не умение мыть чашки!

Вечером я возвращалась домой выжатая, как несчастный персик, из которого богачи делают сок с мякотью. Зачем делать такой сок и почему просто не съесть сладкий плод – я никогда не понимала, но ощущала себя именно так.

Мысли о предстоящем свидании придали сил, и вдоль темнеющей улицы я понеслась стрелой, надеясь успеть к назначенному времени.

Йен сказал, что будет ждать на месте встречи всех влюбленных – у памятника святому Фердиону.

Вот только до площади мне надо пройти несколько кварталов, а на небе уже загорелись звезды. Я занервничала. Вдруг Йен не дождется? Мы ведь не оговорили точное время! Он сказал – буду ждать вечером, а я кивнула, не веря своему счастью. Но когда наступает этот самый вечер? С первой звездой или десятой?

А может, для Йена и вовсе уже ночь, и он ушел, не дождавшись глупую девчонку в клетчатом пальто, которая не подумала уточнить время!

Ругнувшись про себя, я завертела головой. Можно срезать путь через заброшенный мост. Но я поколебалась на развилке – об этом месте ходили нехорошие слухи, говорили, что каменные опоры подточило время и поэтому мост закрыли для транспорта. Да и ходить по нему не стоило. Не потому, что мост не выдержит мою тонкую фигурку, конечно. Выдержит и стадо буйволов, на мой взгляд. Просто жители города опасались старинного, выгнутого дугой сооружения с жутковатыми фигурами мифических существ по углам. Слева от

моста, за рекой, темнел парк, больше похожий на лес, а за ним тянулась витая ограда, отделяющая мир простых смертных от избранных. И не стоит обольщаться ажурностью этой почти невидимой границы. Там, за кружевом из металла, все было по-другому.

Но сейчас я совсем не думала о тех, кто проживал в Бездуш. Все мои мысли были сосредоточенны на Йене и переживаниях о том, дождется ли меня черноглазый красавчик.

Торопясь, я подлетела к мосту. Скалящиеся горгульи, застывшие с двух сторон, меня нисколько не пугали, ходить мимо них приходилось частенько.

Я даже дала им имена. Левая – с отколотым ухом – Пыж, потому что каждый раз пыжится, пытаясь протянуть ко мне когтистые лапы. Правая – Кыш, потому что смотрит презрительно и пренебрежительно, как смотрят любые создания Королевства Бездуш на таких, как я, обыкновенных людей, без капли чар.

Впрочем, мне было наплевать на мнение и Кыша, и Пыжа, потому что, несмотря на холод, я уже предвкушала свидание. Почему-то возникла уверенность, что Йен дождется, а как же иначе? Да и памятник святому Фердиону совсем рядом, вот пробегу мост и окажусь на другой стороне реки, а там дворами да закоулками выберусь на площадь. Конечно, лучше бы по проспекту – и безопаснее, и чище, но время! Время стремительно улетало!

Поэтому, вежливо поздоровавшись с ощерившимися горгульями, я ступила на мост. Напевая под нос любимую песенку, миновала добрую половину пути. В голове вертелись мысли о красивом парне да о новых ботинках, которые – эх, куплю нескоро.

Щеки горели от предвкушения, и я решила пожертвовать минутой, чтобы замереть на краю моста и остыть. Как бы ни нравился мне улыбчивый черноглазый Йен, но незачем ему видеть мое волнение. А то прибегу запыхавшаяся и красная, сразу станет ясно – неслась со всех ног!

Вот еще!

Поэтому я замерла на середине моста, глубоко втягивая воздух и остужая щеки. Огромная круглая луна зависла над лесом белым шаром, заливая реку и мост

призрачным сиянием. Полнолуние. Да еще какое! Такая луна – низкая, объемная – редкость, как говорит тетушка.

Казалось – протяни руку и тронешь, так близко белый налитый шар. А дальше – шлейф рассыпавшихся звезд, ярких, синих.

Красиво-то как!

Что произошло дальше, моя память сложила из обрывков цветных и черно-белых картинок.

Первое – звук. Мощный, рычащий, утробный. Так ревут только низкие и хищные мобили, пролетающие вдоль проспекта.

Следом свет – ослепляющий, сбивающий с толка непониманием.

Чувства застыли, ощущения притупились. Время замерло. И в страшный, невозможно растянутый в бесконечности миг пришло понимание – конец. По мосту летел мобиль. По узкому мосту, давно закрытому для проезда транспорта!

Оглохшая и ослепшая, в каком-то жутком стопоре я из последних сил дернулась в сторону, пытаясь избежать неминуемого столкновения с железной махиной. И полетела вниз.

С моста, в стянутую тонким ледком реку.

Тело ударилось, пробивая еще неокрепшую корку, и камнем пошло ко дну. Я закричала – только сейчас, совершенно не понимая, что уже на глубине. В горло хлынул острый поток воды. Тяжелая одежда промокла в миг. От ужаса вскипела кровь, я заколотила руками и ногами, пытаясь сделать хоть один глоток воздуха. Тщетно! Совершенно бесполезно. Вокруг меня была тьма – ледяная и безжалостная. Она обнимала уже почти нежно, утаскивая в свои недра, шептала на ухо: тише, милая, все будет хорошо… просто прекрати бестолково колотить замерзающими конечностями, просто позволь случиться неизбежному… ведь все уже произошло. Тебя уже нет. А через миг река зарастет новой коркой льда, затянет рану, пробитую глупой девчонкой, рухнувшей с неба… И все снова будет по-прежнему. Тихо. Холодно. Спокойно…

Это даже удивительно, как мало времени надо, чтобы живое и сильное тело перестало дышать, а юное сердце – стучать. Лишь миг. Всего лишь краткий миг – неожиданный и даже почти неосознанный, и меня нет.

– Нет!!! – я закричала.

Наверное. Мне хотелось бы думать, что я кричала. Хотя, конечно, это было не так. Но мой крик – настоящий или мнимый – рвал мне слух и оставался единственным живым звуком в царстве воды и льда.

Нет! Я не хочу! Я не желаю умирать в девятнадцать лет! Я не хочу умирать! Я так много еще не сделала, не почувствовала, не попробовала!

Я хочу жить!

– Interitum! – крик прозвучал на грани моего восприятия, и меня подбросило. И ледяная глыба льда встала ребром, выплевывая меня на поверхность.

Я зависла на краю, судорожно кашляя. Воздух! Я дышу! Неужели я дышу?

Снова вопль, и река вспучивается на миг. А потом грузно опадает обратно, ломая ледяной наст.

– Руку!

Что?

– Руку дай, тупица! – голос злой и хриплый.

Я ничего не понимаю. Какую руку? Зачем?

Сознание уплывает, ныряет обратно в ледяные воды Тайвин, норовя спрятаться и от раздирающей боли и от обладателя злого голоса.

– Идиотка проклятая!

Кто это кричит?

Меня хватают за шкирку, словно напакостившего щенка, и куда-то тянут. Тяжело, с усилием, по ломающейся ледяной зыби. Тащат прочь от объятий реки, прочь от острого холода. Смутно осознаю этот факт, но ничего не чувствую.

Темнота…

Тишина…

Шепот…

Vita spirant…

И взрыв обжигающей грудь боли.

Меня трясут и снова кричат. С трудом разлепляю веки. Первое, что изумляет – губы. Чужие губы на моих. Меня целуют? Вряд ли…

Потом – глаза. Зеленые. Как солнечный луг летом, надо же. Красивые глаза, совершенно не сочетающиеся с искаженным от злости мужским лицом. Перекошенные бледные губы, прилипшие ко лбу мокрые пряди светлых волос. Нос. Обычный такой нос – ровный. Детали чужого облика я выхватывала бездумно, и они совершенно не складывались в общую картину.

– Слышишь меня, придурошная?

Жесткие руки встряхнули, больно сжав плечи. Я глотнула воздух, моргнула. Нос, глаза и пряди встали на свои места, а я, наконец, увидела того, кто на меня орал. Незнакомец. Молодой. Жаждущий меня убить.

– Самоубийца проклятая! – продолжал парень, встряхивая меня в подтверждение своих слов. – Ты зачем под колеса лезла, идиотка?

– Пошел… – губы размыкаться не желали катастрофически. Кажется, они навечно склеились ледяной стылостью. Кажется, я вся пропиталась ею до самого донышка.

– Что? Что ты там мяукаешь?

– Пошел… в задницу!

Вот, все-таки разлепились губы. Я не безнадежна.

Зеленые глаза сверкнули губительной тьмой, ладони, сжимающие мои плечи, разжались. И я снова рухнула на землю, с каким-то удивлением понимая, что ноги меня не держат. Осела и нелепо раскинула нижние конечности. Булькнула горлом. Закашлялась. Подняла дрожащую руку.

– А где мое… пальто? – прохрипела я.

Пальто! Где пальто! Оно же совсем новое, лишь месяц назад сшитое! Оно же модное! Я на него полгода деньги собирала! И где оно? Где пальто?

Осталось там, в недрах реки. Видимо, я стянула тяжелую ткань, пытаясь выбраться, хотя совершенно этого не помню.

– Вот дура, – в сердцах сплюнул зеленоглазый.

Он возвышался надо мной, как гора, и почему-то казался нереальным. Фигуру незнакомца я не могла рассмотреть – мешали слезы в глазах.

– Что за невезение! Дернуло меня срезать дорогу… Гадство!

– Пальто, – всхлипнула я. – В клетку…

Жестокие руки снова вздернули, заставляя подняться, перед лицом оказались яркие радужки, которые заливала чернота зрачка.

– Слушай ты, недоделанная, – с угрозой произнес обладатель зрачков. – Мне катастрофически некогда с тобой возиться. Скажи спасибо, что вытащил. – Парень скривился и, кажется, хотел снова сплюнуть. – Теряю время! Надо же так влипнуть… Слушай сюда, пустышка. – Зелени в глазах незнакомца почти не осталось, и это почему-то завораживало. – Я дико опаздываю! Это очень важно!

Проклятие! – меня тряхнули и отпустили. – Я оставлю тебе свою куртку и вот это, держи, – в руку опустилось что-то плоское. – И… тебе лучше меня забыть. Ну-ка, посмотри в глаза.

Да я и так смотрела. Пялилась изо всех сил. В лице моего убийцы на миг мелькнула растерянность.

– Смотри, – повторил он. И сразу: – Забудь меня… oblivis

И я своим замороженным и растерянным разумом наконец поняла, кто передо мной. Ну, конечно. У кого еще может быть рычащий хромированный мобиль? Только у богача из Бездуш. У одного из тех, кому повезло родиться в нужной семье. У одного из тех, кому принадлежит этот мир.

Перед глазами поплыло и потемнело. Воздух исчез. Знающие люди, сталкивающиеся с заклинателями, говорили, так бывает от чужих чар. Но такая пустышка, как я, никогда и подумать не могла, что прошлое перекуется ради меня. А вот надо же! Для меня создали иную картинку прошлого. В котором не было никакого незнакомца с зелеными глазами.

Глава 2

Очнулась я все на том же берегу. Сколько прошло времени – не имела понятия. Сознание все еще тормозило, мысли ворочались вяло. Я закашляла и от этого очнулась. Кое-как поднялась, покачиваясь. Растерянно осмотрелась. Мост дугой, Кыш и Пыж – косящиеся сверху. Река, стянутая льдом. Ночь. Холод.

И я – дрожащая и кашляющая на берегу.

Побрела вперед, подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму. Но с каждым шагом мысли прояснялись. Я упала в реку. Что-то случилось, и я упала. Надо идти. Надо добраться до дома.

И я пошла. Кашляя, спотыкаясь, кажется, даже падая. Но потом упрямо поднимаясь и снова топая вперед. Людей в это время ночи на улицах не было.

Хотя если и были бы, вряд ли я обратила внимание. Сознание порой уплывало, меня трясло. Мокрые волосы повисли сосульками.

Я плохо помню, как оказалась возле своей обшарпанной двери. Сунула руку в карман, растерянно вытащила что-то плоское. Кошелек. Мужской. Открыла и уставилась на пачку денег. Откуда? Что это? В глазах снова темнеет…

***

Когда я очнулась, где-то поблизости тарахтел голос, и я узнала соседку, мать той самой Агнессы.

– …а я иду, думала – опять забулдыга какой залез! Ведь валяется внаглую, даже не стесняясь. И лампа ведь не горит, снова кто-то стащил! Я и струхнула… А потом… потом смотрю – волосенки торчат. И вроде как рука. Присмотрелась да как ахнула! Тинка там лежит, представляешь? Валяется, словно баклажку вина в одиночку выдула! А ведь с виду и не скажешь… Да еще и в куртке с мужского плеча, да дорогой, кожаной! Вот я к ней… а она…

Разлепила глаза. Лежу в своей комнате. На своем продавленном диване. Рядом тетя и соседка – блестят встревоженными глазами и причитают. Ну, все как обычно, в общем.

– Очнулась! – завопила тетушка так, что захотелось снова отключиться. Соседка бросилась ко мне, принялась бестолково поправлять старый плед, дергать подушку – то ли выдернуть хотела, то ли оставить.

– Тина! Вот так учудила, ненормальная ты девчонка! Я же думала, ты умерла! Совсем без дыхания валялась! Мокрая и холодная, как ледышка! Что случилось?

Я облизала пересохшие губы, и тетя понятливо сунула под нос кружку с водой. И уставилась ожидающе.

– Я упала в реку, – выдавила чуть слышно. – Я упала… с моста.

– С моста? На лед? И жива?

Соседка заохала, замахала руками, глядя на меня, как на спятившую.

– Да.

Я устало прикрыла веки. Свет неяркой лампы почему-то жутко раздражал глаза. И горло сохло.

– Дайте еще воды.

– Да у тебя жар, Тина! – тетя прижала ладонь к моему лбу и нахмурилась. Несмотря на любовь к сплетням, которые она с радостью разносила по всем знакомым, злой она не была. И сейчас всерьез встревожилась. – Надо вызвать врачевателя.

– Нет, я просто… устала. Надо… поспать.

– Устала? – вскричала соседка. – Да если ты не врешь и действительно свалилась с моста, то тебе точно нужен лекарь! Тинка, да это вообще чудо, что ты выбралась! Это же… да это же чудо!

Выбралась… я нахмурилась. А как я выбралась? Зажмурила веки, восстанавливая хронологию вечера. Вот я вышла из мастерской. Вот решила срезать путь. Вот – мост. И я иду… а потом?

В висках заломило, да так, что я вскрикнула и прижала дрожащие ладони к голове. Под закрытыми веками заплясали разноцветные круги, горло обожгло так, словно мне в рот насыпали раскаленных углей. Я выгнулась и закричала.

…снова провал.

– Странно. Никогда такого не видел. Любопытно, очень необычный случай… Говорите, она упала в реку? – голос мужской, знакомый.

Память рисует образ – сухой сутулый старик с чемоданчиком. Врачеватель из соседнего дома. Обращалась к нему как-то, берет недешево, но дело свое знает. Что он забыл в моей комнате? Я больна? А если так, то чем платить, ведь услуги специалиста дороги…

А у меня нет синов…. Я оставлю тебе свою куртку. И еще вот это…

В руку ложится что-то плоское. Кошелек из мягкой дорогой кожи. И куртка тоже кожаная, теплая и легкая. Укрывает меня до бедер, прячет от зеленых глаз. Все потому что пальто утонуло. И в нем – девушка. Как же ее звали? Тинка – Тина. Вот так, да.

– Очень, очень странно! Ну, надо же, как необычно… кто бы мог подумать, что такое бывает!

Да вот бывает. Живешь себе, мечтаешь о ботинках и парне с катка, который подарил цветок, а тут вам – бах, и прощай Тина. Нет тебя. И правда, очень необычный случай!

Я открыла глаза.

И ойкнула от яркого света.

Закрылась ладонью.

– Уберите лампу, ну же, госпожа Приния! Посмотрите на меня. Вот так. Осторожно. Вы знаете, кто я?

– Врачеватель, – выдохнула я. – Господин Арьен.

– Прекрасно! – мужчина радостно всплеснул ладонями. – А свое имя вы помните?

– Конечно. Тина.

– Замечательно!

Я перевела взгляд с лекаря на свою тетку, скорбно застывшую на заднем плане, и не выдержала.

– Что происходит? Я заболела?

– Заболела! Да еще как! Несколько дней на грани, мы уж думали, не выкарабкаешься! Ты упала в реку, милая!

В реку? Ну да…

– Вы помните, как это случилось, Тина? – блеснул стеклами очков лекарь.

– Я… поскользнулась, – медленно произнесла я. – А там… нет ограды. Я не удержалась.

– Святые праведники! Сто раз тебе говорила, чтобы не бегала через мост! И вот!

Тетушка потрясла кулаком. Показывая, что именно – вот. Допрыгалась вот, непутевая.

Но я лишь прикрыла веки.

– А куртка? – на тебе была куртка, милая! И деньги! Откуда?

– Что? Я… не знаю. Не помню.

В комнате повисло напряженное молчание.

– Вероятно, кто-то помог девочке дойти до дома. Вряд ли девушка смогла бы осуществить это самостоятельно, вы ведь понимаете? – ровно произнес лекарь. – Но по неизвестной причине этот человек решил остаться безымянным. Что ж. Вы должны его благодарить. Теперь даже я не сомневаюсь в вашем выздоровлении, Тина.

Я промолчала.

Отвернулась к стене, чтобы скрыть усмешку.

Потому что соврала и тетушке, и почтенному лекарю. Я помню того, кто одолжил мне дорогую куртку на меху. И кто небрежно сунул в ладонь пачку купюр. И из-за кого я свалилась в обледеневшую реку.

Я все это прекрасно помню, хотя и не должна.

Ведь незнакомец постарался стереть мне память. Вот только что-то у него не вышло, и мои воспоминания остались при мне.

А еще – зарождающаяся злость. Из-за богатенького придурка я чуть не погибла! Мост закрыли, он не имел права по нему ехать!

И мне очень хочется снова увидеть этого урода, чтобы плюнуть ему в лицо!

Хотя даже сейчас, в своем полубессознательном состояние я понимаю, что это почти невозможно.

И, пожалуй, к лучшему.

***

После нескольких дней темноты я пошла на поправку. Причем так быстро, что врачеватель лишь поднимал куцые брови и многозначительно хмыкал. Навещать меня он перестал через неделю, правда, велел наведываться в лекарскую. Я, как здравомыслящая и ответственная девушка, эти указания честно выполняла. Но вот чего не понимала – это почему каждый раз врачеватель помимо стандартного осмотра ушей, носа и горла, простукивания легких и тому подобных манипуляций, прикладывал ко мне всем известный предмет – блестящий кругляш с несколькими стрелками, измеритель потенциала, или чаронометр, как называли его обыватели.

Не выдержав, я спросила.

– Что вы делаете? Мои данные снимали при рождении, а потом в десять лет, как у каждого ребенка. У меня нет и никогда не было чар, зачем вы снова проверяете показатели?

Лекарь задумчиво поднес к глазам блестящий кругляш, пожевал губы. И снова хмыкнул.

– Видите ли, Тина… Это покажется вам странным… и вполне возможно, напугает… но ваши показатели изменились.

– Что?

Честно говоря, я не сразу осознала сказанное. Чары – это некий внутренний потенциал. Получить его извне невозможно. Счастливчики, родившиеся с ним, относятся к привилегированному обществу, к Королевству Бездуш. Но я всегда была самой обычной, пустышкой – как презрительно именуют остальных людей заклинатели.

– Простите, но ваш прибор просто сломался, – нашла я разумную причину.

– Это вряд ли, – в десятый раздражающий раз хмыкнул лекарь.

– Но я пустая! Всегда была!

– И все же. Посмотрите сами, Тина.

Мужчина протянул мне кругляш. Тонкая стрелка на серебристом циферблате отклонилась на одно деление. Всего таких штрихов девяносто девять, и говорят, у самых сильных заклинателей стрелочка совершает полный оборот. Но такое бывает лишь у чистокровных, и то далеко не у всех.

А у меня – одно деление. Ничтожно мало для обитателей Бездуш. И невероятно много для пустышки с окраины.

– Но это невозможно! – закричала я.

Лекарь убрал чаронометр.

– Вы что-нибудь слышали о случайниках, Тина?

– Случайники? – растерялась я. Кажется, что-то такое нам рассказывали в школе. Признаться, Бездуш с его чудесами тогда был настолько далек от меня, что слушала я невнимательно. – Кажется, это те, чей потенциал возрос в результате несчастного случая? Удара молнией, например.

– Все верно, – довольно улыбнулся врачеватель, словно я продемонстрировала недюжинный ум. – Конечно, большинство заклинателей получают потенциал от рождения. Он передается по линии обоих родителей, как знаете. Поэтому заклинатели так рьяно оберегают чистоту крови. Чем сильнее чары у отца и матери, тем большая вероятность высокого потенциала у ребенка. Но иногда, очень редко, чары пробуждаются в пустом человеке. В результате случайности, рокового события на грани жизни и смерти. Это большая редкость, Тина. Но кажется, вам невероятно, немыслимо повезло. И ваш пустой сосуд наполнился!

Ледяной водой он наполнился, хотела сказать я, но промолчала.

У меня появились чары? Святые праведники, да неужели это возможно?

– Я что же… – ахнула, начиная осознавать. – Я что же теперь… потеряю душу?

Лекарь досадливо поморщился. Конечно, как любой образованный человек, он не признавал неофициальное название столицы нашего королевства.

– Не говорите глупостей, Тина, вы ведь не сельская девчонка! Обладатели чар не бездушны.

– Но все знают, что чары располагаются как раз на месте души, – я растерянно ткнула пальцем себе в грудь. – И ее они отдают взамен способности колдовать!

– Заклинание – сложный процесс и результат работы разума! – недовольно протянул мужчина. Похоже, его мнение обо мне резко скатилось до уровня бездновой впадины. – Разума, а не эфемерной души, существования которой пока никто не доказал!

Он поднялся, недовольно косясь на меня. Похоже, экзамен на тот самый разум я все-таки провалила. Ну и ладно.

– Постойте… я что же теперь… заклинательница?

– Пока вы лишь девушка со слегка подросшим потенциалом чар. Ничтожным, но все же. Без знаний и тренировок он совершенно бесполезен. И вообще может оказаться лишь временным явлением. Ну, а что вам делать… Вам следует

сообщить в Магистерию Чар о вашем удивительном случае. В обязательном порядке.

На окончательное осознание новой реальности и моего нового положения ушло еще две недели. Честно говоря, я до последнего думала, что почтенный лекарь ошибается. Или что его чаронометр неисправен. Я не ощущала в себе изменений, лишь порой тянущую боль в груди, словно отголосок той, что пронзила меня во льду. Но это лишь фантомная память – непонятно и заумно объяснил врачеватель. Мои легкие и внутренности были совершенно здоровы. Купание в реке не оставило после себя неприятных сюрпризов.

Только вот чары…

Сколько я ни всматривалась в зеркало, не замечала там новой Тины. Все та же девчонка – глаза светло-карие, с лукавыми золотистыми искорками, волосы светлые, кудрявые и растрепанные, фигура с необходимым набором впадин и выпуклостей. Нос вздернутый, улыбка во все зубы и вечно не к месту. Симпатичная, как мне всегда казалось. Но понятно, невероятно далека от красавиц из-за ажурной ограды. Девушек из Бездуш я видела не так уж и много, ведь они не приходили в мастерскую тетушки за новыми платьями и не покупали булочки в пекарне Хромого Роба. Изредка они проносились по улице на блестящих мобилях, да и то случайно. И в затемненных окнах виднелись горделивые и безупречные красавицы, бросающие на окраину удивленно-снисходительные взгляды. Словно обитательниц шикарных транспортных средств удивляло само существование подобного места, а тем более – людей, бесполезно топчущих брусчатку.

И разве есть у меня с ними что-то общее?

Конечно, нет.

Однако в Магистерию я все-таки пошла. Больше для того, чтобы окончательно удостовериться – нет у меня никаких чар. И продолжить жить, как прежде – спокойной и понятной жизнью.

Со мной собралась тетушка. Моя родственница никак не могла прийти в себя от бед, свалившихся на дитятко – то есть меня. И поглядывала жалостливо, и все норовила подсунуть какую-нибудь вкусность, хотя я давно выздоровела и

вообще ощущала себя прекрасно. Отделаться от тети я не смогла, так что с утра в понедельник надела свое лучшее платье – синее, длиной ниже колен, с белым бантом у горла, плотные шерстяные чулки, ботинки со сбитыми носами, и старую куртку. Осмотрела себя в зеркало. Скривилась. Подол висел тряпкой, и мои торчащие из колодок обуви ноги смотрелись тонкими веточками, а потрепанная куртка портила и без того неприглядную картину.

К платью нужно пальто, но оно осталось в недрах ледяной реки…

На миг взгляд остановился на черной коже, качающейся на крючке моей комнаты. Мужская куртка. Чужая. Едва уловимо пахнущая чем-то свежим и горьким. Парфюм из какого-нибудь салона ароматов, где бумажки с ценами пугают рядом цифр. Бархатная подкладка. Скромная бирка известной и дорогой фирмы на изнанке.

За прошедшие дни я изучила куртку вдоль и поперек. Никаких бумаг или опознавательных документов. Незнакомец, столкнувший меня в реку, не оставил следов. Лишь куртка, деньги за причиненные неудобства, и приказ все забыть. Приказ, подкрепленный магическим внушением. Вот только я почему-то помнила.

О том, что на самом деле случилось на мосту, я не рассказала ни лекарю, ни родственникам. Потому что понимала – не стоит. Незнакомый парень принадлежал другому миру, миру Королевства Бездуш, а я с детства усвоила – соваться к таким не стоит. Они сильнее и злее. Не зря кварталы за ажурной оградой прозвали так, ох, не зря. Сильные мира сего не знают жалости, а заклинатели – и подавно.

Но иногда, поглаживая бархат внутри куртки и вдыхая дразнящий аромат, я сжимала кулаки, размышляя о владельце этой дорогой вещицы. Как легко он сбросил ее с плеч! Подачка, призванная заткнуть мой рот!

– Сволочь, – шептала я, надевая куртку и поднимая воротник. – Что б тебя… Попался бы ты мне!

И снова встали перед внутренним взором злые зеленые глаза и искривленный от досады рот.

– Тина, ты готова? – тетя выдернула меня из мрачных мыслей, появляясь на пороге комнаты. – Ты еще даже не одета! Ну что за девчонка непутевая!

Меня мигом закутали в шарф, натянули на лоб вязаную шапку с пушистым помпоном, и решительно потащили на улицу. С утра небо заволокло низкими тучами, осень лениво присыпала город мелким снежком. Я глубоко вдохнула острый воздух и вслед за тетей двинулась к станции. Магистерия находилась на другом конце города, за ажурной решеткой. Ехать пришлось на звенящем от напряжения и магии составе, место в нем дешевле, чем в наемном мобиле. За окном потянулись привычные и родные улочки – кривоватые, не очень чистые, с невысокими домами и завешенными сохнувшим бельем балкончиками. Узкие проулки, ставни, выкрашенные в кирпичный и зеленый цвет, выбитая брусчатка. Скамейка возле чайной, где меня впервые поцеловал мальчик, водонапорная колонка за углом, где я истово терла губы, отмываясь от позора! Мой мир. Привычный и понятный.

Но стоило гудящему вагончику вкатиться по рельсам на территорию Бездуш, улицы волшебным образом преобразились. Словно кто-то стер безжалостной рукой привычное зелено-серое и щедро плеснул многоцветия. Мне редко доводилось бывать за оградой, так что я прилипла к окну, рассматривая величественные здания с витыми колоннами, арками, статуями и витражными окнами, таращась на нарядно одетых пешеходов, а один раз даже увидела виверну – зависшую над открытой галереей, что растянулась между двумя домами.

Правда, потом меня отпихнули от окна более наглые пассажиры, и дальше пришлось разглядывать спины и лица наших спутников, которые, как и мы с тетей, решили сегодня посетить Бездуш.

– Станция Магистерия! – звонко объявил женский голос, тетя подпрыгнула и вытащила меня на улицу.

Вагончик уехал, а мы остались возле огромных кованых дверей, ведущих в святая святых. Здесь измеряли чары. Здесь рушились надежды. Здесь ткались судьбы тысяч людей. Ведь проклятая черточка на блестящем измерителе была способна возвысить человека или облечь на жалкое существование.

Тетушка благоговейно застыла, сложив руки. Я потопталась рядом, тоже пытаясь приобщиться к прекрасному, но выдержала недолго.

– Тетя, ну пойдем уже! Холодно, к тому же мы мешаем проходу! Хватит взирать на эту дверь так, словно она ведет прямиком в чертоги святого Фердиона!

Родственница наградила меня хмурым взглядом и вздохнула.

– И в кого ты такая язва, Тина? Впрочем, знаю, в кого. Конечно, в матушку, да будь благословен ее прах! Мой бедный брат женился на ней, лишь бы та замолчала! И ты такая же!

Я отмахнулась от беззлобного бормотания и толкнула дверь. За ней обнаружился приемный зал, расходящийся паутиной бесконечных коридоров и комнат. Симпатичная служащая в ответ на наше бессвязное блеяние споро заполнила какие-то бланки и сунула мне в руку что-то светящееся.

– Следуйте за проводником!

От неожиданности я уронила это нечто на пол. Слабо мерцающий шарик подпрыгнул и покатился, мы с тетей ринулись следом, хлопая полами распахнутой одежды. Поплутав по коридорам, натыкаясь на людей в попытке не упустить своего проводника и не спутать его с десятком других, мы все же добрались до нужной двери. В центре ее красовалась надпись «Распределение. Магистрариус А. Вельвет».

Переглянувшись с тетей, я деликатно постучала. Створка распахнулась сама собой, тетя сделала многозначительный взгляд, мол – магия, а я фыркнула и закатила глаза.

И вошла.

– Здравствуйте.

За столом сидел мужчина в круглых очках. На нас он не смотрел, и пока тетя мялась в дверях, я уселась на стул. А она снова испустила печальный вдох, призванный показать, что она не виновата в дурном воспитании родственницы,

ну то есть – меня, и плюхнулась на соседнее сидение.

– Так-так, – пробормотал хозяин кабинета, по-прежнему не поднимая глаз от бумаг. – Что у нас тут? Надо же, случайное пополнение чарорезерва. Ну-ну. Надо же. Посмотрим– посмотрим… Руку!

Мы с тетей слаженно подпрыгнули.

– И сердце! – ляпнула я. И покраснела, с испугом глядя на мужчину. И вот кто меня за язык вечно тянет?

Магистрариус оторвался от рассматривания бумажек и, наконец, соизволил окинуть нас внимательным взглядом. Сначала тетю, почти доведя ее до обморока, потом – меня. Улыбнулся.

– Итак, юная госпожа, – протянул он. – Случайник.

Откуда он это узнал и как вообще понял, зачем мы явились – я так и не поняла. Зато тетя снова воспрянула духом и глянула на меня. Магия! – читалось в ее взгляде.

Или налаженная связь с приемным залом, где мы заполняли документы, решила я.

– Думаю, ваше сердце лучше оставить для некого молодого человека, с которым у вас однажды случится прекрасное будущее, юная госпожа, – произнес магистрариус. – А вот вашу руку я все же хотел бы увидеть. Исключительно для того, чтобы измерить потенциал, конечно. Вы позволите?

Я несколько смутилась от такого обращения. Тетя смотрела победителем, мол, учись, Тина. Вот тебе воспитание и манеры, не то что ты – босячка! Вся в матушку…

Неловко поднявшись, я стянула куртку, задрала рукав платья и приблизилась к столу. И только сейчас увидела, что это не обычная мебель. По темной лаковой поверхности проплывали изображения. Картинки сменялись так быстро, что от мельтешения цветных пятен у меня мигом заболела голова.

– Положите ладонь сюда, – кивнул магистрариус.

Я опасливо повиновалась и вскрикнула, когда часть глянцевой столешницы смолой потянулась вверх и обхватила мою ладонь, запястье, локоть….

– Спокойно, юная госпожа, у вас нет причин для беспокойства, – уверил мужчина. – Это всего лишь измеритель. Просто более совершенный. Он считывает показатели до сотых долей. Расслабьтесь.

Я выдохнула. Легко ему говорить! А у меня рука в непонятной липкой гадости!

По поверхности стола побежали цифры. Я скосила глаза, но с моего положения рассмотреть что-то подробнее не удалось.

– Так– так. Ну-ну. Динамика присутствует. Надо же! Так-так… Вот и все!

Смола чавкнула и слезла с моей руки, а я осмотрела пальцы. Пересчитала. Вроде все на месте. А то мало ли… С этих обитателей Бездуш станется!

– Ну что же, Тина, могу вас обрадовать. Вы, действительно, лицо чаро-не-одаренное, случайно пополнившее резерв в результате трагического происшествия или иного взаимодействия с раздражающими или губительными факторами. Ну, или проще – случайник. Потенциал ваших чар сейчас составляет три условные s-единицы.

– Но ведь была всего одна! – воскликнула я так, словно это магистрариус виноват в подросшем потенциале.

– Все верно, ваш резерв нестабилен, он пополняется, пока не установится в своей норме. Это очень хорошая тенденция, юная госпожа. Вам повезло. Кстати, как вы приобрели чары?

– Упала в реку, – растерянно пробормотала я. – И что теперь? Ну, то есть что мне теперь делать? – и оглянулась на тетю, застывшую изваянием. Кажется, она даже не моргала. Может, вообще уснула? Или в таком шоке от происходящего? – Врачеватель, наблюдавший меня после… несчастного случая, велел явиться в Магистерию. И что дальше?

А. Вельвет снял очки, неторопливо вытащил откуда-то кусок бархатной тряпочки и принялся натирать стекла.

– Видите ли, Тина. Для начала я должен убедиться, что чары получены вами законным путем.

– То есть? – опешила я. Ну да, ходили разные слухи. Мол, есть ритуалы – запрещенные и кровавые, позволяющие пополнить резерв и даже залить чары в пустышку вроде меня. – Я ничего такого не делала! Да я крови боюсь! Вы что же думаете, я кого-то…

По губам мужчины скользнула улыбка.

– Не волнуйтесь, я вас ни в чем не обвиняю. Поверьте, запрещенные методы… оставляют следы. А у вас из прегрешений, наверное, только воровство конфет из тетушкиного комода.

Я покраснела, магистрариус снова улыбнулся. И посерьезнел. Вернул очки на переносицу. Глянул строго.

– Я говорю о незаконном получении иного рода. Вы сами упали в реку, Тина?

Я на миг застыла.

– Сама.

– Вы в этом уверены? – мягко переспросил мужчина. – Поймите, если имело место… насилие… вы не должны молчать. И виновного накажут. Вы должны лишь заявить…

– Я упала сама, – твердо повторила я.

– Ну что ж, – вздохнул магистрариус, и мне показалось – с облегчением. Впрочем, его глаз я не видела, стекла бликовали. – Тогда могу вас поздравить. Отныне вы недипломированная заклинательница. Вам выдадут соответствующие документы.

Тетушка издала придушенный стон, я растеряно моргнула.

– И что мне делать с этим?

– Учиться, конечно. Обучение людей с потенциалом чар – обязательное условие, Тина. Мы не можем позволить себе необученных заклинателей, не знающих, что делать со своими возможностями.

– Учиться? – у меня голова пошла кругом. – Но как? Где?

– А вот уже другой вопрос.

Господин Вельвет резко махнул по глянцевой поверхности, и там снова замигали картинки. Он же заговорил быстро, листая свой удивительный прибор.

– Так-так… Ну-ну… посмотрим… полный набор… и здесь тоже… Верденская школа? Увы… Страфин-ард? Не то… Плохо-плохо… Все учебные заведения заполнены, к тому же обучение уже началось, как вы понимаете… Так-так… и что же нам делать?

– Подождать до следующего года? – неуверенно произнесла я.

– Никак невозможно, дорогая Тина. У вас потенциал. И если завтра вы случайно спалите чарами свой дом, то виновата будет Магистерия. Вы должны учиться. Надо непременно что-то придумать… Как вам Альенская школа?

– Какая? – опешила я. – Альенская? Но это же… на севере!

– Ну да. Вы увидите ледники, небесное сияние и среброзубых снежных котов. Поверьте, восхитительное зрелище!

– Но я не хочу уезжать из столицы! – завопила я, и господин Вельвет хмыкнул. – Нет-нет, дело не в том, что это столица,– торопливо поправилась я. – Но здесь мой дом! И тетя с дядей! А он болен! Кто будет им помогать? Нет, я не могу уехать!

– Но с началом обучения шесть из семи ваших дней будут посвящены урокам, – резонно напомнил магистрариус.

– Но на седьмой я смогу навестить родных! Вы не имеете права высылать меня… в ледники!

Мужчина снова хмыкнул и уставился в поверхность стола. И чем больше смотрел, тем сильнее хмурился.

– Тогда я могу предложить вам лишь один вариант, госпожа Тина, – со странной интонацией произнес он, а я насторожилась. – Как я уже сказал – все, абсолютно все учебные заведения заполнены. По вашему уровню потенциала вам подошла бы Верденская или Ашлинская школы. Но, увы, мест нет. Но я могу устроить вас в Высшую Столичную Академию.

Я онемела. И рот открыла. Так и сидела с открытым, желая заорать – ущипните меня. ВСА? Да вы шутите? Туда, где учатся дети богатых и родовитых, самое привилегированное заведение столицы, а заодно и всего королевства? Я буду там учиться? Я?

– Вы, верно, шутите.

Господин Вельвет снова снял и протер очки.

– Не шучу. Правда, ваше обучение будет слегка специфическим.

– Что вы имеете в виду?

– Тина, я буду с вами откровенен. Вы ведь понимаете, что ни вашего уровня чар, ни родовитости, ни средств не хватает для поступления в подобное место. Выпускники этой Академии нарасхват. Даже после года обучения, а с вашим потенциалом это будет лишь год, вы станете востребованным специалистом. Диплом ВСА открывает многие двери. Но попасть туда такой девушке, как вы, можно лишь одним способом.

– Каким это? – я подозрительно прищурилась. Это что мне предлагают?

– Стать… м-м… личной помощницей для одного из студентов. – Магистрариус успокаивающе поднял руки: – Как вы понимаете, учащиеся этого заведения не привыкли к бытовым трудностям. Они не умеют убирать в комнате, ухаживать за одеждой и прочее… А в стенах академии запрещены прислужники. Но можно попросить кого-то из сокурсников… помочь. Взамен вы сможете обучаться, Тина.

Я молчала. Ну да, более чем просто. Я становлюсь служанкой для кого-то богатенького сноба или снобки, а взамен тихонько сижу на занятиях и впитываю знания. Целый год среди высокомерных бездушных аристократов, в роли поломойки. Отлично. Это прямо то, о чем я мечтала!

Открыла рот, чтобы отказаться… и закрыла. Потому что увидела лицо тети. Светящееся. Озаренное светом надежды. И все мои злые слова застряли в горле.

Тетя воспитывала меня с детства. Мои родители погибли, и небогатая родственница безропотно взвалила на себя ношу по воспитанию сироты. Первые годы все было даже неплохо, но потом заболел дядя. Болезнь прогрессирует, с каждым годом становится все хуже. Чтобы купить лекарства, нужны сины, а они с потолка не падают. Тетя не жалуется, но выбивается из сил, пытаясь вытащить и мужа, и меня.

Мастерская дает заработок, но надо смотреть правде в глаза. Тетя слаба, ее зрение уже не такое острое. У нее болит спина и ломят пальцы. А ее вкус никогда не был таким хорошим, чтобы конкурировать с мастерской той же Матильды, что недавно открылась на соседней улице. Пока к тете ходят старые клиентки – такие же замшелые и неторопливые, как и сама тетушка. Приходят больше за общением, чем за обновками. Но вот только монет от этого почти не прибавляется. А скоро перестанут ходить и они.

И что мы будем делать?

Я рассчитывала к весне найти новую работу, более высокооплачиваемую, но… кому нужна девчонка с окраин без образования и особых умений? Таких полно…

А вот если я смогу продержаться год в академии, то получу заветную бумагу с гербом Королевства. И тогда смогу устроиться не просто на работу, а на хорошую работу! Даже с таким уровнем чар, но с соответствующими знаниями, я смогу вытащить нашу семью из болота, в котором мы тонем. Медленно, но

неуклонно погружаемся в чавкающую трясину безденежья и безнадежности.

И всего-то один год.

Подумаешь, прислуживать! А сейчас я что делаю? Разношу подносы и мою стаканы за три сина в неделю. Тоже мне, гордячка нашлась!

От стыда полыхнули щеки, и я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Я согласна! – выдохнула торопливо и увидела, как блеснули слезами глаза тети. – Согласна!

– Я не сомневался, Тина. Поверьте, на такие места полно желающих. Но вам и тут повезло. Одному из студентов понадобилась помощница. Так что уже завтра вы окажетесь в академии.

Мое сердце подпрыгнуло и ударило в ребра, грозя их проломить. Признаваться не хотелось, но новая жизнь слегка… пугала.

– Завтра? Как завтра? – впервые отмерла тетя.

Господин Вельвет прищурился.

– Хорошо, послезавтра. Но ни минутой позже! Понятно? Учебный год уже начался, придется догонять.

– Да, господин магистрариус!

– Вы одобрены! – ударил ладонью по волшебному столу магистрат. – Список необходимых вещей и предметов получите на выходе. Поздравляю, Тина!

Ошарашенные и растерянные мы с тетей двинулись к выходу. И уже возле дверей я опомнилась.

– А кто мой… ну этот студент? Чьи носки я буду стирать?

– Эш Вандерфилд. Студент последнего курса обучения.

Имя мне не о чем не говорило, конечно. В геральдике я тоже была не сильна, хотя где-то на донышке памяти плескалось воспоминание о Вандерфилдах. Кажется, это кто-то из семей-основателей королевства? М-да, надо бы освежить свои знания о сильных мира сего, раз уж меня угораздило к ним попасть!

Студент последнего курса – значит, ему не менее двадцати пяти лет, совсем взрослый. Что ж, надеюсь, он окажется непривередливым и разумным нанимателем!

Мы вывалились в коридор и ошарашено уставились друг на друга. Тетя шмыгнула носом.

– Не вздумай реветь, – строго приказала я. – Дома поплачешь. Здесь нельзя.

Тетя согласна кивнула и боязливо покосилась на закрытую створку.

И лишь за дверью Магистерии, мне пришел в голову еще один вопрос.

А что случилось с прежней помощницей некого студента Вандерфилда? Ведь учебный год длится уже два месяца, и вряд ли все это время он собственноручно стирал свои носки! И еще. Почему он не смог найти поломойку среди уже обучающихся студентов?

Глава 3

Следующий день мог бы служить иллюстрацией к картине «дом свихнувшейся семейки». Тетя начала заламывать руки и причитывать еще до моего пробуждения. Собственно, эти стенания меня и разбудили. Дядя молчал, как обычно, и смотрел из-под нахмуренных седых бровей.

– Тетя, прекрати причитать! Я иду учиться, а не отправляюсь нести дозор в пустыню виверн!

– Упаси тебя святой Фердион! И что ты такое говоришь, Тина! Вся в матушку, вся! – на полном серьезе ужаснулась тетя, дядя закатил глаза. Мы переглянулись и слаженно хмыкнули. Он обычно предпочитал молчать, наверное, поэтому мы с ним прекрасно понимали друг друга. Надежный, рассудительный и заботливый, дядя всегда был для меня примером настоящего мужчины. Многолетние боли, мучащие его, не стерли с усатого лица добрую улыбку и не ожесточили сердце. И глядя на дядю, я понимала, что буду изо всех сил стараться в академии. Потому что есть ради кого.

– Это просто немыслимо! – наша тесная кухонька снова огласилась причитаниями тети. – Вы только посмотрите на этот список! – желтый лист разогнал воздух. – Нет, где это видано? Набор перьев стандартный, набор перьев зачарованных, три комплекта бумаги – в линию, двойную линию и бесконечную. Книга начал, книга теней, книга элементов, книга пространства. Измеритель Эльдера Магинса. Измеритель Пра. Измеритель… Еще какой-то! И это только первый абзац!

– Дай сюда, – я выхватила лист из дрожащих пальцев. Пробежала глазами, мрачнея. Да уж, поступить в ВСА оказалось проще, чем добыть все необходимые в обучении предметы! И отчаяние тети понятно, мы разоримся, если купим все это. Правда, были еще сины, доставшиеся от незнакомца на реке. Но тратить их я категорически отказывалась, сама не зная, почему. А тетя не настаивала, сделав вид, что забыла о чужом кошельке.

Так что я широко улыбнулась во весь рот и незаметно засунула бумагу в карман.

– Тетя, ты все неправильно поняла! Это список того, что мне выдадут на месте! Вот вечно ты так, не разобралась, а паники навела!

– Выдадут? – тетя выдохнула воздух, как лопнувший шарик.

– Ну да! – я беззаботно пожала плечами. – Это же столичная академия! Не переживай, все будет в порядке. И я хочу на обед пирог с печенью! Так что займись им, а я пока соберу вещи.

Подмигнула, проигнорировала внимательный и напряженный взгляд дяди и упорхнула в свою комнату. И там, за плотно закрытой дверью, снова достала список. Скрипнула зубами. Из всего перечисленного я могла позволить себе

лишь набор перьев и пару тетрадей. Вот их-то и куплю в ближайшей лавке. А что делать с остальным – разберусь на месте.

Вещей у меня тоже оказалось мало. Платье, юбка с блузкой, чулки, туфли, белье. Свитер, связанный тетей. Одежда самая обыкновенная, без каких-либо зачарованных свойств или красот. Все легко уместилось в небольшую сумку, еще и место осталось.

– Буду налегке, – оптимистично решила я. – А то мало ли, сколько эту сумку по этажам таскать придется?

И, кажется, только после этих слов я осознала, что действительно буду учиться в столичной академии! Уже завтра я войду в ее двери!

Сердце гулко ударило в ребра, коленки ослабли.

А взгляд упал на мужскую куртку. Подумав, я свернула ее жгутом и тоже убрала в сумку. Наверное, привыкла к мягкой, льнущей к пальцам подкладке. А может, мне просто хотелось иметь в стенах чужой и высокомерной академии хоть одну дорогую вещь.

Кошелек зеленоглазого гада я оставила дома, засунув под кровать. Чтобы не было искушения воспользоваться.

Жизнь сделала кульбит, и мне придется научиться выплывать в бушующем море новых обстоятельств.

***

Я проспала!

Впервые в жизни, между прочим!

Обычно я вскакиваю на заре, относясь к тому типу людей, которых принято называть «ранние пташки». Но этой ночью уснуть удалось лишь далеко за полночь – то меня обнимала и тискала тетя, тоже осознавшая расставание с «дитяткой», то давал наставления дядя, то я сама пялилась в потолок, ворочаясь

на кровати в своей комнате и размышляя о будущем.

А утром не смогла разлепить веки! Поэтому собираться пришлось впопыхах, отмахиваясь от ватрушек, которые норовила засунуть мне в сумку тетушка, и жертвуя полноценным умыванием-причесыванием.

Кое-как собрав копну волос в узел, одевшись и обувшись, я расцеловала родственников и помчалась на станцию. Еле успела! Переполненный вагончик уже издал предупреждающий свист, когда я вскочила на подножку и ввинтилась в набитое людьми нутро.

На этот раз мне не удалось увидеть красоты за окном, как впрочем – и само окно. Всю дорогу пришлось стоять на одной ноге – вторую поставить было некуда – и уклоняться от неприятно пахнущего попутчика, грузного и небритого.

Так что когда звонкий голос произнес: «Станция ВСА», я с радостью вывалилась из душного транспорта на брусчатку и вдохнула полной грудью.

И застыла, восторженно хлопая глазами.

Академию я никогда не видела, хоть и жила в столице. Но нам, жителям Котловины, цветам помоек, как презрительно именуют районы за оградой богачи, редко выпадает возможность посмотреть на здешние красоты. ВСА располагалась на возвышенности, и вместо ожидаемого дома я увидела целый городок с темными башнями, вздымающимися в небо, с открытыми площадками и ярусами для виверн, с многочисленными зданиями, переходами и галереями, и еще множеством непонятных мне строений. От ворот, увитых плющом и дикой розой, вела дорожка к широким мраморным ступеням. По обеим сторонам высились вековые ели и золотые клены.

Прижимая к боку свою потрепанную сумку и поневоле робея, я ступила на неизведанную территорию. Пересекла пространство перед центральной лестницей, удивляясь царившей вокруг тишине, поднялась, озираясь, и вошла в Высшую Столичную Академию.

– Стоять!

Я подпрыгнула и выронила сумку, озираясь. Передо мной расстилался пустой холл, без признаков живых существ.

Подобрала поклажу, сделала осторожный шаг.

– Ррр-воу!

Дикий рык заставил меня пошатнуться и испуганно замереть на месте. Да что же здесь происходит? Снова качнулась, и снова меня оглушил вой, пригвоздив к месту. Однако нападать на меня никто не собирался, холл по-прежнему радовал витыми колонами, огромной люстрой под потолком, непонятной скульптурной композицией в центре, и он был – пустотой.

В шесть утра я обычно уже трудилась в мастерской тетушки, а родственница уходила туда еще раньше. А вот здесь, за ажурной оградой, в это время еще спали. Поэтому ВСА и встретила меня лишь статуей и бесплотным голосом. И, похоже, это всего лишь охранка, которую вешают на двери.

Собравшись с духом, я бросилась вперед, уже не обращая внимания на жуткие звуки за спиной. Подумаешь – воет! Пусть хоть треснет. А мне надо найти кого-нибудь, отвечающего за местные порядки! Не у статуи же спрашивать направление?

Прижимая к себе драгоценную сумку и озираясь, я добралась до коридора, повертела головой и уткнулась взглядом в дверь. А потом заглянула внутрь.

За широким столом восседала тощая женщина неопределенного возраста, с черным пучком волос на голове, крючковатым носом, делающим ее похожей на ворону, и чашкой ароматного кофе в узловатых пальцах с длинными ногтями.

Сидела она за столом красного дерева и задумчиво смотрела в окно.

– Доброе утро, – поздоровалась я, и на меня без удивления уставились бесконечно черные глаза. – Меня направили из Магистерии… Учиться… Вот!

Достала заветную бумагу, доказывающую мой новоприобретенный статус чароиссы, и положила на стол.

– Учиться, значит, – так же бесцветно отозвалась хозяйка кабинета и с неохотой отставила опустевшую чашечку. – Хм… случайник? Упала в реку? Ну, надо же. Занятно. И в какой области собираетесь специализироваться?

В какой? Я растерялась. Об этом я как-то не подумала.

– Не знаю. Магистрариус господин Вельвет сказал, что мне необходимо обучиться использованию чар.

– О, так это тебя направил Альшер! – оживилась женщина, а я со стыдом подумала, что даже не узнала имени распределителя. Собеседница прочитала бумагу, прищурилась и внимательно осмотрела меня с ног до головы, не упустив ни единой мелочи, как то сбитые носки ботинок или дешевая куртка. И хмыкнула. – Так-так, Тина Аддерли! Ну-ка скажите мне, госпожа случайник, как я выгляжу?

Я моргнула, удивляясь странной просьбе. Хотя, может, это нормально в шесть утра?

– Ну… неплохо… – осторожно начала я. – Солидно так… строго, я бы сказала…

Звонкий смех разбил тишину, и я снова моргнула. И на миг увидела перед собой не худую носатую чароиссу, а светловолосую красавицу безупречной внешности!

Отодвинув чашку, женщина хлопнула в ладоши.

– О, прекрасно! Давно меня не называли солидной! Неплохо, неплохо! Думаю, Альшер, прав! Вы знаете, что он вечно прав? Ни разу не ошибся! – она горделиво выпятила то место, где у женщины должна быть грудь. Красавица исчезла, передо мной снова сидела женщина-ворона. – Так-так, посмотрим…

Она азартно схватила со стола чистый лист и быстро усеяла бумагу мелкими буквами.

– Все ясно. Поселю вас в синем крыле, комната 24 В, можете оставить там вещи. Все необходимое вам выдадут, обратитесь к ключнице, это на самом верху. На самом верху, понимаете? Учебники получите в библиотеке. Как раз успеете к

первому уроку. – Женщина-ворона сунула мне в руку бумагу и подняла смоляные брови. – Ну? Не стойте столбом! Идите уже, Аддерли, и без вас дел полно!

Костлявая рука потянулась к чашке, в которой волшебным образом снова появился черный напиток.

Я послушно двинулась к двери.

– Ах, да! – донеслось вслед. – Лучше вам молчать о столь необычном способе получения чар, госпожа Аддерли. Считайте добрым советом.

Женщина почему-то нахмурилась, а я, слегка ошалевшая, вывалилась в коридор. И посмотрела на лист в ладони.

«Постановление. Тину Аддерли, с динамическим потенциалом в 3 усл. s-единицы, определить на общий курс вольнослушателей сроком на один год. Без специализации. Список обязательных к сдаче и аттестации предметов… список необязательных… список возможных… список дополнительных… Куратор господин Риверс. Проживание и питание – уровень 3В». Дальше шел еще какой-то список, сокращения и аббревиатуры, от которых у меня закружилась голова. А в конце размашисто: «Ректор ВСА, Аделия Вельвет»

Я нервно сглотнула. Это что же получается, я сейчас пообщалась с самим, то есть самой – ректором? Той, которая руководит этим невероятным и загадочным местом, полным чудес и знаний? Вот так открыла дверь и оказалась в главном кабинете академии? Но как это возможно? Святой Фердион!

А самое странное, что госпожа ректор – родственница «моего» распределителя! Интересно, кем они друг другу приходятся? Супруги? Брат с сестрой?

Качнулась обратно к двери и открыла рот. Никакой створки с латунной ручкой на стене не было!

На миг захотелось сделать, как тетушка: многозначительно поднять брови и сказать «магия»! Но я удержалась, только хмыкнула весело и, потоптавшись на месте, двинулась в сторону лестницы на второй этаж. Госпожа Вельвет сказала, что я могу расположиться в каком-то синем крыле, знать бы еще, где это! Ну что

же, будем искать!

Пока я бродила по коридорам, больше напоминавшими лабиринт, академия наполнялась шумом голосов и учащимися. Где-то наверху ударил колокол, и звон прокатился по коридорам, нарастая, словно приливная волна. Если судить по школьному опыту, то звонков будет три, последний означает начало занятий.

За очередным поворотом я наткнулась на двух девушек, одетых в синюю форму. Изящные фигурки подчеркивались юбками в складку, длиной до колен, и приталенными жакетами, в воротах которых пенились кружева, сколотые у горла дорогими брошами. Одна из студенток – блондинка, снежные пряди лежали волосок к волоску, обрамляя идеальное синеглазое лицо и стекая узким хвостом на спину. У лица покачивались дорогие серьги, оттеняя сапфирами цвет глаз. Ее подруга – алогубая и темноглазая брюнетка, с рубинами на пальцах и в ушах. Обе держали небольшие кокетливые мешочки, которые выглядели скорее как еще одно украшение, чем сумка для переноса книг и тетрадей!

Я кинулась к студенткам, желая расспросить о неведомом мне синем крыле, но натолкнулась на такой снисходительно-презрительный взгляд, что шарахнулась в сторону.

– Надо сказать ключнице, чтобы обновила проходные охранки на воротах, – смахнула невидимую пылинку с рукава блондинка. – Кажется, в академию ползут тараканы из Котловины.

– Ты права, Лисса, – поддержала брюнетка. – Идем скорее, говорят, насекомые разносят всякую дрянь. К тому же, воняют. Фу, ты чувствуешь? Гадость какая.

Обе красавицы выразительно закатили глаза и двинулись к лестнице.

Я встревожено оглянулась. Неужели и правда тараканы? И лишь когда девицы скрылись из вида, до меня дошло. Да они же обо мне говорили! Меня обозвали насекомым из Котловины!

Первым желанием было найти мерзавок и хорошенько дернуть за безупречные патлы. Но, конечно, я не стала этого делать.

– Бездушные гадины, – буркнула я.

Вот тебе и ВСА, Тина. Первый звоночек, оповестивший, кто есть кто в стенах этого прекрасного заведения!

– Никогда не стану такой мерзкой! – пообещала я себе, пытаясь выкинуть из памяти брезгливо скривившиеся лица.

Синее крыло нашлось неожиданно. Я просто в очередной раз куда-то свернула и увидела табличку с необходимыми мне буквами и цифрами. Толкнула дверь 24 и оказалась в небольшой комнате с тремя кроватями и двумя бегающими спросонья девушками. Рыженькие и настолько похожие, что не оставалось сомнений – сестры.

– Привет, я Тина! – сконфуженно улыбнулась им. – А меня к вам поселили…

– Ну вот, а ты говорила, вдвоем будем! – ткнула локтем одна из моих будущих соседок другую, но глянула дружелюбно. – Я – Шелли, а это Брин. Ты новенькая? А почему не с начала года? А каков потенциал? А у тебя есть парень? А…

– Шелли, умолкни! Ты невыносима! – простонала ее сестра, хватаясь за голову.

Я рассмеялась, бросила сумку на пустую кровать.

– У меня маленький потенциал. Всего три единицы. И учиться я буду лишь год.

– О, так ты совсем мелочь, – беззлобно ответила Брин. – У нас двенадцать на двоих и два года обучения. Отец до сих пор надеется на чудо, в семье ни у кого не было меньше десятки. А тут мы. – Близнецы переглянулись и синхронно вздохнули. – Мама говорит, это потому, что нас двое. Была бы одна… А так – вот так. Но, увы, что дано, то дано. Резерв не пополнить, к сожалению.

– Радуйся, что не пустышка, упаси святой Фердион! Не представляю, как люди живут без чар! Ущербные! – подхватила Шелли и посмотрела с сочувствием на меня. – Ты тоже не унывай. Тройка – это, конечно, дно. Но хоть чему-то научишься.

Я издала какой-то невнятный звук. Знали бы они… Но следуя совету ректора, я умолчала о подробностях своей истории. Аделия Вельвет права, не стоит об этом распространяться. К случайникам всегда было настороженное и подозрительное отношение, а, чует мое сердце, мне и без этого хватит пренебрежения в стенах учебного заведения.

– Ой, ты нас заболтала совсем! – спохватилась Шелли, хотя сама же больше всех и говорила. – Мы же опаздываем! Первый урок у Аодхэна! Ну почему всегда первый? Ты тоже думаешь, что это специально? Издевается! А-а-а, Брин, где мои чулки? Ты идешь?

Я очнулась, поняв, что обращаются ко мне.

– А надо?

– Дай список! – велела Брин и, бегло проглядев листок, вздохнула. – У тебя «Опасные твари» в необязательных для посещения. Радуйся!

Близнецы снова принялись носиться по комнате, выхватывая друг у друга вещи и разыскивая тетради и ручки. Я хмыкнула, наблюдая за ними. Кажется, проживание с этими девушками будет веселым!

– Кстати, где мне найти Эша Вандерфилда? – вспомнила я. – Вы его знаете?

Обе сестры застыли, как вкопанные. Переглянулись.

– Вандерфилд? – сказала Брин.

– У нее тройка потенциала, – многозначительно подхватила Шелли.

– И дряхлые ботинки, – глубокомысленно изрекла ее сестра.

– И куртка.

– Вязаная шапка с помпоном!

– Жуть!

– Понятно, – постановили обе и обернулись ко мне. – Ты новая прислуга Эша?

– Помощница, – поджала я губы. И далась им всем моя одежда? Ну, старая, ну, поношенная, так что же?

– Не обижайся, – мягко сказала Брин. – Мы и сами не из родовитых. Да и синов не густо… Поступили так же, как ты, а в прошлом году прислуживали, ну то есть, помогали Ванессе Гленс, знаешь ее? Ну, из рода Гленс! В общем… мы не осуждаем. Всем жить хочется. Вот только…

Она умолкла, а Шелли округлила глаза.

– Вот только зря ты согласилась на Вандерфилда! Ох, зря!

– Почему?

Сестры снова многозначительно переглянулись.

– Он и раньше был невыносимым, а теперь…

– Теперь? – забеспокоилась я.

– После того, что случилось на прошлом состязании… Ох, сочувствую тебе! – закатила глаза Шелли. Брин сурово нахмурилась. – Боюсь, долго ты не продержишься.

– А что с ним случилось?

Звон пронесся по коридорам и ударил в стены.

– Опоздали! – в ужасе завопила Шелли, глянула на меня осуждающе, и обе сестры вылетели из комнаты, на ходу заплетая волосы.

А я осталась с тянущим ощущением дурного предчувствия.

Глава 4

Немного посидев, я осмотрелась. Хотя разглядывать здесь было особо и нечего. Кровати – две застеленные, третья – с голым матрасом – подо мной. Пузатый и немного поцарапанный шкаф, служащий своеобразной перегородкой посреди комнаты, два комода – один пустой. В него я и сложила свои малочисленные пожитки. Повесила на крючок куртку, пригладила волосы, освобожденные от шапки. Возле окна теснился длинный щербатый стол, на котором устроились кувшин, пара кружек с ромашками, книги и различная девчачья мелочь. На стене тихо тикал хронометр. Вот и вся обстановка. Жить можно.

Да и соседки производили приятное впечатление, кажется, мы подружимся. А то я уже начала волноваться, что в ВСА ходят только высокомерные снобки, вроде тех, что встретились в коридоре.

Повеселев, я одернула подол своего серого платья, поправила круглый воротничок и в сотый раз покосилась на сбитые носы ботинок. И решила, что следует навестить ключницу, а потом все-таки найти этого загадочного Вандерфилда. Зря или нет, а он мой пропуск в мир знаний и чар. И этот пропуск придется отработать, так что – вперед, Тина!

В животе настойчиво булькнуло, напоминая, что проснулась я довольно давно и успела проголодаться. Не к месту вспомнились творожные ватрушки тети, от которых я так опрометчиво отказалась. Надо было прихватить пару, но что теперь сожалеть!

Снова пригладив волосы, норовившие выбиться из пучка и разлететься буйной гривой вокруг головы, я покинула свое новое жилище.

Чтобы найти ключницу, пришлось снова побегать по коридорам и лестницам. Ректор сказала – наверху, но на этот самый верх вело множество лестниц, взлетая по которым, я попадала в мансарды, коридоры, тупики, но никак не к ключнице. Благо, на этот раз мне посчастливилось столкнуться с тощим студентом, который не стал фыркать и кривиться на мои вопросы, а ткнул пальцем в стену.

– А указатели для кого, бездарь?

– Какие указатели? – пискнула я, но парень уже ушел.

Я поморгала, всматриваясь в каменную кладку, украшенную картинами. Иногда это были пейзажи, иногда – сцены сражений или портреты великих заклинателей. Я проносилась мимо них, не приглядываясь, а теперь всмотрелась и подпрыгнула. Внутри рамки сидела на ветке птица, смотрела желтым глазом. Клюв указывал влево.

– Это указатель? – растерялась я.

Подумав, я все же двинулась в указанную сторону, до следующей деревянной рамки.

– Мне бы к ключнице, – вежливо произнесла я, рассматривая усталого воина с мечом. Вокруг него расстилалось поле, на заднем плане высились вековые дубы. Воин молчал, я ощущала себя неимоверно глупо. Разговариваю с картиной. А всего ведь первый день в ВСА, Тина! А дальше что?

Однако…

Если предположить, что что-то в нарисованном должно указывать направление, то… Я покосилась на меч в натруженных руках воина. И потопала к лестнице вниз. Спустилась. На следующем изображении умывалась кошка, кончик хвоста дрожал стрелкой. Я бросилась по коридору, взобралась верх, сбежала вниз, повинуясь немыслимым указателям… и неожиданно оказалась в башне, перед дверью, на которой блестела латунная табличка «Ключница госпожа Диометрия. Вытирайте ноги!»

Тщательно пошаркав подошвами, я стукнула и вошла.

Огромное помещение оказалось заставленным мебелью, сундуками, тюками тканей, полками, ящиками, комодами, тысячью самых разнообразных вещей, а главное – дверьми! Они стояли, прислоненные к стене, маленькие и большие, старинные и новые двери!

Сквозь круглые окошки лился солнечный осенний свет, скрещиваясь веселыми потоками, смешиваясь, свиваясь, разбрызгиваясь каплями янтаря и пляшущими пылинками. Я открыла рот, осматривая то ли склад, то ли хранилище, и даже позабыв, зачем вообще забралась в эту башню.

А когда опомнилась, осторожно двинулась мимо бесконечных рядов. Остановилась возле одной из дверей, выкрашенной зеленой краской, с ржавой ручкой, протянула руку… и хмыкнула. Заперто. Обошла дверь по кругу. Качнула головой, недоумевая.

– Собралась на прогулку, дорогуша?

Из-за груды хлама выплыла толстенькая невысокая пышечка, с веселыми кудрями на голове и хитрыми глазами. На поясе ярко-желтого платья с пышными рукавами-буфами и многочисленными воланами покачивалась огромная связка ключей. Я отдернула ладонь от ржавой ручки, представилась и отрапортовала о своем назначении.

Госпожа Диометрия задумалась. Толстенькие пальчики перебрали ключи.

– Говоришь, тебя поселили в синем крыле? Вольнослушательница?

Открыв замок на ближайшем сундуке, ключница вытащила стопку постельного белья, полотенце, холщовую сумку, халат, тапочки, несколько полотняных салфеток – и все это вручила мне.

– Замена тканевого имущества только после полного устаревания, запомни! Стирка обязательна, сдача под роспись. Поняла?

– Да, – ничего не поняла я.

– А вот с формой придется подождать, дорогуша, – прищурилась, попав в поток света, ключница. – Иди сюда, я измерю твои параметры и закажу костюм швее. Внесешь в казну академии двенадцать синов и получишь готовое. Пока походишь в своем, нарушение, конечно, но что поделать, раз ты так неожиданно к нам свалилась!

– Сколько синов? – ахнула я.

– Двенадцать всего, ты не ослышалась, – безмятежно подтвердила «пышка». – Основную часть – ткани, пуговицы, нитки и прочее, оплачивает ВСА, а студенты лишь минимальные расходы на пошив.

Я сглотнула. В кармане моего платья сиротливо звенело лишь несколько монет, общим достоинством в десять синов. И это все мое богатство! В конце месяца тетя обещала пополнение денежных средств, но когда это будет!

– А я могу… Могу заказать костюм своей портнихе?

– Своей? – изумилась ключница. – Дорогуша, не волнуйся, у ВСА отличные мастера! Тебе понравится!

– И все же, – заупрямилась я, не желая объяснять, что у меня нет синов на оплату этих мастеров. – Или это запрещено?

– Не запрещено, но… но до тебя никто не просил о подобном! – поджала губы ключница. Но кивнула. – Ладно, как желаешь. Ткань и фурнитуру заберешь на следующей неделе, я закажу. И учти – напишешь расписку, что сама отказалась от услуг мастериц! Если твоя портниха загубит ткань, претензии не приму, сама рассчитываться будешь. Поняла?

Я истово закивала, и чуть не бросилась обнимать пышнотелую ключницу. Увидев мое просиявшее лицо, та тоже смягчилась и сунула мне бумажку.

– Поставь вот здесь роспись за выданное имущество. Ну, все, теперь беги.

Из башни я спускалась окрыленная и улыбающаяся. Надо же, как удачно все складывается! Заберу ткань и сошью костюм не хуже тех, в которых щеголяли высокородные девицы! И блузка под жакетик у меня тоже есть, пусть без воланов-кружев и драгоценных камей, зато почти новая!

Чуть ли не пританцовывая, я прибежала в свою комнату, в мгновение ока заправила кровать свежим бельем, застелила покрывалом. И задумалась.

Совесть намекала, что надо найти этого Вандерфилда и сообщить, что я готова приступить к своим обязанностям. Но вот делать этого совершенно не хотелось. К тому же, судя по списку госпожи Вельвет, у меня скоро урок – тот, что из обязательных, и опаздывать на него нельзя! А разве не должна я слушать ректора? К тому же, мне еще надо успеть за учебниками.

Вот после уроков и найду своего нанимателя.

Успокоив таким образом податливую совесть, я положила в холщовую сумку тетрадь, перья, носовой платок, перекинула ручку через плечо и снова вышла в коридор. Действие картин-указателей оставалось для меня тайной и чудом. Я совершенно не понимала, как одни и те изображения каждый раз выводят меня в нужном направлении. Но успела убедиться, что это исправно работает. Следуя нарисованным подсказкам, я прошла длинную галерею и оказалась в новой башне, где расположилась библиотека.

И распахнув дверь, я в очередной раз застыла с открытым ртом, рассматривая бесконечные стеллажи, взмывающие к потолку, лесенки, зеленый ковер, широкие столы для подготовки и лампы под светло-бежевыми абажурами.

Пожилой архивариус выдал мне комплект учебников, взял роспись о сохранности академической собственности и велел не стоять на проходе, мешая другим. В коридор я вернулась слегка ошалевшая от масштабов увиденного.

Но все же успела снова сбегать в синее крыло, чтобы отнести внушительную стопку книг и до очередного удара колокола вернуться в учебное крыло. И с замиранием сердца остановиться возле двери, где пройдет мой первый урок в академии.

«Хронометрия. Профессор Улиус Клаус» – прочитала я в списке своих предметов. С трудом уняв трепет и волнение, пригладила в сотый раз волосы и вошла. Ученическая оказалась просторной и светлой, вдоль помещения в два ряда стояли столы со скамейками, практически полностью занятые студентами. У доски суетился седовласый старичок, расчерчивая черное поле какими-то датами и знаками.

На меня оборачивались, в своем платье я оказалась серой вороной. Учащиеся красовались в форме ВСА, и я протиснулась бочком к стене, села, надеясь, что

обо мне забудут. Но не тут-то было.

Стоило прозвенеть академическому колоколу, как старичок развернулся к нам. И тут же зацепился взглядом поверх половинчатых дужек очков за меня!

– У нас новая слушательница?

Я отдернула подол и неуверенно встала. Все взгляды уставились на мою слегка дрожащую от волнения фигуру. Насмешливые, любопытные, презрительные…

– Добрый день. Да… Меня направили… Первый день. Меня зовут Тина Аддерли!

Девушка за соседним столом пренебрежительно фыркнула.

– Я думала, что поступила в ВСА, а не в не провинциальное заведение!

– Крошка, в этом платье умерла твоя бабушка? – хохотнул сидящий у окна вихрастый парень. Остальные рассмеялись, продолжая рассматривать объект насмешек, то есть меня.

– Девочка, в этом веке уже изобрели расческу, ты в своей дыре об этом не слышала?

– Она что, из Котловины?

– Отодвинься, вдруг у нее насекомые…

Я гневно сжала кулаки, ощущая волну гнева и беспомощности. И знала ведь, что просто в ВСА не будет… Вздернула подбородок, заставляя себя не реагировать на подначки.

Но тут встрял старичок-профессор.

– Госпожа Давина, господин Кирс, угомонитесь! У нашей новой ученицы чудесное платье, моя супруга носит подобное!

Ученическая потонула в хохоте, а я скривилась. Да, уж помог так помог! Если учесть, что сам профессор древнее первой виверны, то его супруга, очевидно, такая же!

Преподаватель постучал указкой по столу, призывая к порядку.

– Присаживайтесь, госпожа Аддерли. Вам придется догнать пройденный материал. Мой предмет у вас в обязательных, ведь так?

Я кивнула.

– Что же… Занимайтесь. Будут вопросы – обращайтесь, помогу. А теперь вернемся к занятию. Итак, открытие Патриуса Фердиона. Кто может рассказать? Есть желающие? Нет? Тогда расскажу я, если никто не против…

Студенты зашелестели тетрадками и перьями, а я уселась на место. Выдохнула, пытаясь не обращать внимания на косые и презрительные взгляды. Я пришла сюда учиться, и плевать, что обо мне столичные снобы думают! Пусть подавятся своим высокомерием!

Расправила складки платья на коленях, аккуратно положила на стол тетрадь и перо, приготовилась слушать.

Голос у старичка оказался на удивление звонкий и громкий, слышно его было прекрасно. Историю святого Фердиона, которого когда-то звали обычным именем Патриус, я знала еще из школьной программы. Но с интересом послушала снова, рассказчик из господина Клауса получился восхитительный!

– О родителях Патриуса Фердиона сведений не осталось. К, сожалению, их постигла печальная участь, они погибли от песчаной выри. Мальчика отдали на воспитание в приходскую Обитель Святых Старцев, где он и начал свой путь великого познания истины. Свой первый труд Патриус написал в возврате двадцати трех лет. Он назвал его «Откровение». Да-да, название весьма спорное и двусмысленное, хе-хе, – студенты вежливо рассмеялись. – В этой невероятной и удивительной работе Патриус Фердион описал основные условия изменения материального и нематериального мира. Конечно, они известны каждому из вас. Итак! – профессор важно поднял палец. – Spirit – min -scientia! Чары, разум, воля! И как ни элементарны эти понятия, они скрывают глубокий, я бы даже сказал –

глубинный смысл! Что значит разум? Чтобы овладеть мастерством, нужно учиться. Без знаний никто не сможет сдвинуть с места даже крохотный камушек! Что значит – воля? Это умение подавлять глупые порывы и ненужные инстинкты, желание стать лучшим! Ну и самое важное – чары. Величина, неизвестная ранее людям. Spirit – вот ее имя! Позже этому свойству присвоили название чаропотенциал и стали измерять в условных s-единицах. Что означает первая буква, уважаемые слушатели?

– Сила преобразования, – бойко выкрикнула с первого стола девушка.

– Совершенно верно. Это тот самый потенциал, который привел каждого из вас в стены нашей прекрасной академии. Без него ничего не получится. Как бы ни были глубоки знания, как ни была бы сильна воля, но без потенциала преобразование не случится. Человек без чар остается лишь пустой оболочкой.

Профессор скорбно вздохнул, а я нахмурилась. Сказанное не новость, но прозвучало неприятно. Словно те, кому не досталось этой проклятой составляющей, и не люди вовсе. Пустые оболочки, надо же! Скажите это моему дяде, который годами борется с болезнью! Или тете, в которой жизни больше, чем в десятерых!

– Но, к нашему великому сожалению, первый труд великого Мыслителя и Создателя оказался напрасным. До нас, его потомков, дошли лишь обрывки. Современники Фердиона не приняли его учение и ничего в нем не поняли. Наличие в человеке чар было осмеяно. Бесценную рукопись сожгли, а самого Патриуса изгнали из стен Обители… но это было лишь начало его бессмертного пути…

Урок пролетел, как мне показалось, за пять минут. Пустышек профессор больше не упоминал и неприятное впечатление развеялось. Зато он так увлекательно и красочно живописал путь и гонения бедняги Фердиона, что я даже расчувствовалась. Все же я никогда не задумывалась о святом, как о живом человеке, а Клаус показал его именно таким.

Следующий десяток лет Мыслитель, а тогда – просто изгнанник, искал людей с чарами, чтобы доказать свою теорию. Такие обнаружились и впоследствии стали основателями нашего королевства и первыми заклинателями. Свой второй и самый известный труд Патриус написал уже будучи зрелым мужем. «Основы

материального и нематериального изменения мира». Эта книга – фундамент, на котором выстроен весь наш мир.

Патриус Фердион сегодня почитается как святой, как Великий Создатель.

Но благодаря профессору я впервые задумалась о нем, как о человеке.

Так что из ученической я выходила задумчивая, не замечая любопытных, презрительных или насмешливых взглядов. На меня смотрели, но знакомиться не торопились.

Вторым предметом числилось «Погружение» у госпожи Брук. Вслед за толпой первокурсников я влилась в новое помещение. Здесь не было столов, зато имелись ярусы-ступени, на которых и рассаживались студенты. А некоторые парни даже укладывались!

– Тина! – донеслось сверху, и я заулыбалась, увидев Брин и Шелли. Вскарабкалась к ним.

– И вы здесь? Я думала, только первогодки!

– Шелли плохо удается погружение, – сдала сестру Брин. – Приходится гонять ее по второму кругу. Иначе вылетит до праздника Зимы. У меня-то с этим все в порядке, таскаюсь за компанию. Ты уже погружалась?

– Нет, – ответила я, плохо понимая, о чем вообще речь.

Оказалось, все просто.

Чтобы научиться управлять чарами, нужно, прежде всего, очистить сознание. Погрузиться в пустоту. Для этого мы и собрались здесь. Госпожа Брук – чароисса, затянутая в строгое синее платье с рядом крошечных пуговиц и огромной камеей у горла, – велела расслабиться, закрыть глаза и настроиться на свою внутреннюю пустоту. Свет в комнате погас. Застучал метроном.

Преподавательница уселась за стол и раскрыла книгу.

Кажется, кто-то захрапел.

Некоторое время я честно пыталась найти в этом занятии что-то увлекательное. И не заснуть, потому что закрытые глаза явственно сигнализировали организму о том, что надо сделать.

Устав с этим бороться, я приоткрыла один глаз, потом второй. Осмотрела ряды студентов. Кто-то искренне пытался поймать что-то внутри себя, кто-то зевал, кто-то уже бессовестно дрых. Шелли напряженно шевелила бровями, Брин явно скучала.

Я решила, что со своей пустотой пообщаюсь в следующий раз, а пока неплохо бы расспросить соседку.

Осторожно достала из сумки тетрадь с пером и толкнула Брин локтем. Та ответила вопросительным взглядом, но явно обрадовалась избавлению от скуки.

«Расскажи о Вандерфилде!» – написала я и сунула листок девушке.

Та насупилась. Я скорчила умоляющую рожицу.

Брин достала свое перо. Повертела в пальцах. Но все же написала:

«Ты о нем совсем ничего не знаешь?»

Я покачала головой.

«В. – из Неприкосновенных».

Я задумалась. Неприкосновенные. Даже моих знаний девчонки из Котловины хватило, чтобы понять. Так назвали семьи потомков Основателей. Тех, кто поверил Фердиону и обнаружил в себе чары. К ним же относится и королевская семья.

– Ого, – округлила я глаза.

Брин кивнула. Подумала и добавила: «Лучший ученик. Гордость ВСА. Черный сектор».

Я качнула головой. На чаронометре цветов не было, но люди давно условно поделили измеритель на четыре части. Линия поперек, линия вдоль. Первый сектор справа от нуля – желтый. Это те, у кого уровень потенциала от одного до двадцати пяти. К ним отношусь и я. В быту таких величают – желторотики, как воробьи. Мелкие пташки, но полезные. Дальше зеленый цвет, это уже сильные заклинатели с потенциалом до пятидесяти. Красный – у тех, кому посчастливилось родиться в семье с безупречной родословной и настолько чистой кровью, что потенциал оказался почти неразбавленным. Ну, а черные… Черные – это Неприкосновенные. И среди них встречаются заклинатели с уровнем, близким к «нулю с другой стороны». Полный оборот стрелки чаронометра. Невероятный резерв.

Мне стало не по себе. Я надеялась, что столкнусь с кем-нибудь попроще.

«Ты сказала, что с ним что-то случилось. Месяц назад…»

Брин покосилась на сестру, но та по-прежнему вздыхала и общалась с внутренней пустотой. Госпожа Брук отложила книгу и принялась быстро усеивать строчками длинный свиток. На студентов она не обращала никакого внимания. И соседка сдалась.

«Состязание. Он проиграл. Никто не знает причину. В. никогда не проигрывал. Ни разу. Все говорят… Но никто толком не знает».

Брин многозначительно подняла брови, потом нахмурилась, перевернула перо и быстро смахнула пушистым кончиком написанное. Буквы ссыпались с листа и растаяли. В отличие от моего, у соседки перо было зачарованным.

И еще она явно не желала, чтобы о нашем разговоре кто-то узнал. Интересно почему? Этот Вандерфилд так запугал студентов, что о нем даже сплетничать не желают?

Соседка облизала губы, глянула по сторонам. Придвинулась ближе и торопливо вывела:

«Лучше с ним не связываться».

И снова смахнула строчку. Я вздохнула. Хотела бы я не связываться. Да только – уже.

«Я всего лишь поломойка. Он меня и не заметит!» – вывела я коряво, и моя собеседница хмыкнула. Качнула головой.

«Не влюбляйся в него! Это плохо кончится. Для тебя!»

Я изумленно глянула на Брин. Она что, шутит? Но та и не думала смеяться, круглое лицо было серьезным и расстроенным.

«Он что же, может ко мне… меня…»

Я запнулась, не зная, как спросить. Брин фыркнула, глянула выразительно на мое платье.

«Конечно, нет! В. не связывается с такими, как мы. Никогда. Неприкосновенные нас презирают. Но…»

Она поджала губы. Помедлила, размышляя.

«Он… такой…»

Я глянула вопросительно.

«Девушки влюбляются…»

И тут же смахнула, не успела я толком увидеть написанное.

Я хотела еще спросить, но в это время остановился метроном и по коридорам разнесся звон колокола, извещая об окончании странного урока.

– Получилось! – жарко выдохнула Шелли, распахивая глаза. – Брин, я погрузилась! Спасибо, святой Фердион! Наконец-то! А ты, Тина? Тебе удалось?

– Не сегодня, – протянула я, и девушка сочувственно развела руками.

– Ну да, с первого раза не выйдет. Я вот уже сколько мучаюсь!

– Ты непоседливая и слишком любишь болтать, – шикнула Брин. – Потому и мучаешься!

Шелли не обиделась и бросилась обнимать сестру. Похоже, для нее сегодняшний урок оказался удачным. Я же задумчиво убрала в сумку тетрадь.

– Знаешь, Тина, – вырвавшись из жарких объятий близняшки, негромко произнесла Брин. – Купи себе зачарованное перо.

Глянула многозначительно, и я покраснела. Но девушки уже неслись к выходу.

Глава 5

Вслед за сестрами я вывалилась в коридор и столкнулась с невысоким худощавым парнем. Длинные каштановые волосы на его голове блестели от липкого геля, похоже, студент их тщательно укладывал. Также глянцево отсвечивали чрезмерно начищенные ботинки. На парне красовалась мужская форма академии – черные брюки со стрелками, белая рубашка, строгий удлиненный жилет со знаком ВСА и желтый шейный платок. Насколько я поняла, это означало первый год обучения. Голубые глаза смотрели строго.

– Ты Аддерли? – уточнил он, и я кивнула. – Иди за мной.

– Но у меня урок!

– Иди за мной живо!

Развернувшись, студент направился к уже знакомым мне бесконечным переходам.

– А куда? – очнулась я, устремляясь следом. Мой провожатый важно молчал и я хмыкнула. – Тебе что, ответить трудно? Ладно, скажи хоть, что меня не выгоняют прямо сейчас. Кажется, я пока не успела ничего натворить.

Парень цокнул языком и промолчал.

– Ты глухой? – возмутилась я, и он закатил глаза.

– А ты болтливая не в меру.

– Я просто волнуюсь, – неожиданно призналась я и вздохнула. – Извини.

Он снова цокнул.

– Какой противный звук, – выдала я и зажала себе рот рукой. И увидела, как дрогнули губы парня.

– Учту, – вежливо произнес он.

Я покачала головой. Понятно, что парень из первогодок и весь настолько преисполнен ощущения собственной важности, что чуть не лопается. На мое платье и ботинки поглядывает со снисходительной брезгливостью. Так что спрашивать я перестала, сама узнаю, куда он меня сопровождает.

Мы миновали знакомые переходы и свернули на открытую галерею. За ней коридор стал шире, появились изящные фонтанчики в нишах и бархатные диванчики для отдыха. Я осматривалась с интересом. Может, меня ведут к ректору? Хотя у нее обычный кабинет и вроде бы располагается он на первом этаже. Хотя в ВСА ничего нельзя сказать наверняка.

За очередным поворотом оказалась всего одна дверь, на которой красовалось число «7».

Мой провожатый важно указал на полосатый диванчик возле окна.

– Жди. Тебя позовут.

И удалился, одарив мой наряд еще одним косым взглядом. Я показала в спину мальчишки язык и осторожно присела. Поерзала, устраиваясь удобнее. Ну и куда меня привели?

Беспокойство заставило вскочить. Я прошлась от двери до окошка, полюбовалась на красные клены и очертания Гряды вдали. Темные пики тонули в белесой дымке.

Из Котловины Гряда тоже видна, как и из любой точки города. Но здесь, с высоты, она просматривалась особенно четко, и я на некоторое время застыла, любуясь открывшимся зрелищем. Правда, сейчас меня больше волновало мое будущее и настоящее, так что, потоптавшись на месте, я осторожно приблизилась к темной двери. Прислушалась. Внутри комнаты беседовали двое, голоса были мужские.

– …не кипятись, всему есть разумное объяснение! Ты же знаешь закон сохранения, ничто не приходит и не уходит вовне…

Ответ я не расслышала.

– Это временно! Да, я знаю… Проклятие! Но…

Снова тихий ответ.

– Хорошо, поговорим потом. Где твоя поломойка?

– За дверью, – на этот раз ответ я услышала и отпрыгнула в сторону, изумившись. Как можно было увидеть меня? Ох, это же заклинатели…

Створка распахнулась, едва не припечатав мне нос, и на меня уставились зеленые глаза. Я моргнула. Прошлое и настоящее смешались и переплелись, дробясь на множество картинок и образов. Злое лицо… Обледеневшая река… Куртка… Торчащие иглами пряди светлых волос…

«Забудь меня»…

Передо мной стоял незнакомец из моего кошмара. Тот, из-за кого я упала в реку. Тот, чью куртку сжимала в кулаках, желая ударить красивое лицо ее владельца. Эш Вандерфилд.

Воздух резко закончился, словно я снова провалилась под лед.

Этого не может быть. Этого просто не может быть! Мне не могло НАСТОЛЬКО не повезти! Только не это!

– Эта что ли? Новенькая? Откуда они ползут? – небрежное восклицание второго парня разбило омут осознания, в котором я барахталась, и вернуло на грешную землю. – Вы знакомы, что ли? Смотри, как таращится.

Я медленно перевела взгляд на наглеца, потому что смотреть в бледное лицо Эша Вандерфилда было невыносимо. Его собеседник стоял, привалившись к дверному косяку, и разглядывал меня с ленивым интересом. Высокий плечистый брюнет, красивый и знающий себе цену. Взрослый, на вид лет двадцать пять, значит, тоже выпускник. Аристократ. И, кажется, его я тоже уже его ненавижу.

– Так вы знакомы?

– Нет, – выдавила я, вздернув подбородок. И заставила себя снова посмотреть на прищурившегося и молчащего блондина. – Я думала, меня привели к ректору. А вы… Ты… Насколько я понимаю, ты мой… наниматель.

– А ты его поломойка, – хохотнул брюнет. Я скрипнула зубами. Вот же гад. Врезать бы этому придурку, да нельзя. Все-таки я приличная девушка!

– Смотри, Эш, ты сразил девчонку с первого взгляда! Уже слюни потекли. Как бы не пришлось избавляться, как от прошлой прачки!

– Заткнись, Ривз, – голос Эша прозвучал хрипло, и меня царапнул наждаком. И только сейчас я рассмотрела детали его облика, ускользнувшие при первом взгляде. На парне были надеты идеально отглаженные брюки, туфли из мягкой коричневой кожи, светлая рубашка с расстегнутым воротом. Правая ладонь блондина оказалась заключена в кожаную перчатку, которой не было при нашей первой встрече.

Брюнет внимательно глянул на друга и почему-то зубоскалить перестал. Пожал плечами и отлепился от стены.

– Ладно, я пошел. Подумай насчет завтрашнего вечера, будет весело.

Наглый Ривз двинулся мимо меня, одарив очередным взглядом, за который его хотелось придушить, и скрылся за поворотом коридора.

А мы остались.

Вандерфилд кивнул внутрь комнаты, без слов приглашая входить. Я сглотнула. И почему у меня ощущение, что я попала в логово зверя? Что я маленький и глупый кролик, которого вежливо приглашает в свою нору волк?

Заходить не хотелось. Больше всего я желала развернуться и покинуть этот коридор, а потом и ВСА, оказавшуюся ловушкой. Но куда я побегу? К тете и дяде? Расскажу, что обучение закончилось, не начавшись, и надеяться нам больше не на что?

Высоко задрав подбородок, я шагнула через порог. Дверь за спиной захлопнулась. Резко обернувшись, я снова наткнулась на внимательный взгляд прищуренных глаз.

– Как тебя зовут? – хрипло произнес блондин.

– Тина, – я во все глаза пялилась на него. Может, он меня не узнал? Вполне возможно.

Всего лишь столкнул в реку какую-то пустышку, подумаешь! Не стоит внимания!

По застывшему лицу аристократа невозможно было прочитать мысли, лишь в зеленых глазах дрожал расширившийся зрачок. Словно дышал. Но смотреть в эти глаза было выше моих сил.

Я осмотрелась, сохраняя на лице глупое выражение и делая вид, что ужасно заинтересовалась обстановкой. Не спорю, она впечатляла, эта комната отличалась от аскетического жилища в синем крыле, как бабочка от гусеницы!

Правда, у меня так кружилась голова, что я почти ничего не видела.

Инстинкт кричал, нет, просто вопил, что надо бежать! Но я могла лишь улыбаться и делать вид, что впервые вижу студента шестого курса Эша Вандерфилда!

– Что я должна буду делать? – спросила, не поворачивая головы. – И когда приступать? Мне сказали, что нужно помогать по хозяйству, но я не прислуга. И никогда не стирала одежду аристократов. Могу испортить. Случайно, конечно! Но полы мыть умею, само собой. Ну и пыль там, грязь разная… Так что я…

Рывком обернулась, не выдержав тишины за спиной. Вандерфилд стоял у стены и молча меня рассматривал.

– Слушай, – вспылила я. – Давай ты просто скажешь мне, что надо делать, и я пойду? У меня еще куча дел.

– Никуда ты не пойдешь, – тихо произнес парень, делая шаг ко мне.

Я сдержала отчаянное желание попятиться. Зеленые глаза буравили череп, явно пытаясь добраться до моих воспоминаний. На миг в его взгляде мелькнуло сомнение. Я запаниковала. То ли аристократ силился понять, где видел меня, то ли узнал, и теперь решал, что делать. Он ведь приказал мне все забыть. И теперь гадал – совпадение ли наша новая встреча.

Честно говоря, я и сама гадала, чем и когда я успела так прогневать святых и бездновых исчадий, что оказалась в этой комнате перед этим человеком!

Но острый зеленый взгляд выдержала, почти не дрогнув и изо всех сил изображая из себя ничего не знающую и не понимающую простушку! Нутром ощущала, что так будет лучше.

Вандерфилд кивнул в сторону еще одной двери в глубине комнаты.

– Там есть ведро и тряпка. Можешь приступать.

– К чему? – опешила я. Сейчас? Чуть ли не застонала я. Так у меня ведь уроки!

– К уборке. Ты же для этого здесь?

– Я здесь, чтобы учиться, – проскрипела я.

Эш поднял брови.

– Тогда приступай, Тина Аддерли. К обучению. Оно тебе пригодится в жизни. Я сказал, где ведро.

Сжав кулаки, я закусила губу, чтобы не заорать. Ладно, пусть катится к исчадиям. В конце концов, я знала, что меня ждет. А в мытье полов нет ничего стыдного.

Гордо прошествовала в указанную сторону, я на миг замерла, осматривая черную и бежевую плитку, огромную ванную с латунными кранами и мраморными полочками. На стене висел мужской халат, стоящий, наверняка, как весь мой гардероб. Вот только ведра здесь не было.

– Долго тебя ждать? – за спиной снова возник ненавистный блондин.

– Здесь нет ведра, – разозлилась я.

– Мозга здесь у кого-то нет, – он стукнул по стене, и отодвинулась скрытая панель, за которой обнаружились швабры, ведра и куски мягкой ткани. Абсолютно чистые. Это были не тряпки или ветхая одежда, а совершенно новая фланель!

Поразившись прихотям богачей, я набрала ведро теплой воды и вернулась в комнату.

Мой проклятый наниматель развалился в кресле и не сводил с меня прищуренных злых глаз.

– Ты так и будешь глазеть? – не сдержалась я.

– Ты сама сообщила, что неумеха, которая может что-нибудь испортить. – Вандерфилд потянулся к изящному столику, налил в пузатый бокал багровую жидкость, сделал глоток.

– Разве студентам ВСА разрешен алкоголь? – поразилась я.

Эш поднял брови.

– Тоже хочешь? Угостить?

– Я не пью, – буркнула я, отжимая тряпку и вешая ее на швабру. Поведение и взгляд Вандерфилда изрядно нервировали, я не понимала, как вести себя, и видела подвох в каждом его движении и слове.

– А зря, – парень качнул в руке бокал. – Такая гамма вкуса. Особенно со льдом. Лед придает особенный… изыск, знаешь?

Меня снова заколотило. Это он сейчас намекает? Или у меня мания преследования?

Отчаянно закатала рукава платья и принялась яростно намывать пол в проклятой комнате. Главное, не думать о парне за спиной. Таращится, ну в бездну его! Чтоб у него глаза сломались!

– А ты сзади ничего, – донесся задумчивый голос, который я уже ненавидела. – Как-то я не рассмотрел в первый раз.

Швабра показалась раскаленной кочергой, и я ее чуть не выронила. В какой первый? На реке? Или сегодня? Что он имеет в виду? О чем говорит? Значит, все-таки помнит? Или нет?

Бездновы странники, да я так с ума сойду! Сжала зубы и с удвоенным рвением принялась тереть заново. Вандерфилд, к счастью, молчал.

– Готово! – разогнулась, поворачиваясь к хозяину комнаты.

Он сидел в прежней позе, кажется, даже вино в его бокале не уменьшилось. Но стоило мне двинуться к ванной комнате, чтобы оставить тряпку, ожил.

– Плохо, Аддерли. Ты оставила кучу пыли. Мой снова.

– Что? – завопила я. – Да я прекрасно отмыла! Ты врешь!

Вандерфилд отставил бокал и уперся локтями на колени, глядя в упор.

– Я вру? – мягко произнес он, делая упор на первом слове. И улыбнулся. Да так, что мне плохо стало. – Что ты, я предельно честен. А пол грязный. Мой снова.

И вот тут все встало на свои места. Я смотрела на гада, гад смотрел на меня. И мы оба знали правду. Что год в ВСА окажется самым худшим в моей жизни.

***

Сволочь аристократичная, бездушный сноб, гад белобрысый!

Сколько новых слов и определений я придумала для своего «нанимателя», пока драила его апартаменты! Правда, ругалась я в своей голове, понимая, что произнесу хоть слово – и мне же будет хуже. К моему ужасу и удивлению, у проклятого Вандерфилда оказалась не одна комната, а целых три! Три комнаты, раздери меня дубогрыз! У студента! Да вся наша квартирка в Котловине была меньше, чем помещение, в котором проживал один учащийся ВСА!

И каждая комната с набором дорогущей мебели. Святой Фердион, да мне даже прикасаться было страшно ко всему этому бархату, паркету, мрамору и лаку! Если честно, это были самые красивые помещения, которые я видела в жизни. И все новое, целое! Никаких трещинок на столе, сколов на ручках, потертостей на сидениях. Изумительно. Если бы не злость, я, наверное, вообще не решилась бы прикоснуться ко всему этому великолепию. Но за плечом стоял и усмехался человек, от вида которого внутри поднималось что-то темное и яростное.

Стоило лишь вспомнить свое падение в реку, а потом долгую дорогу домой – как я шла, шатаясь и покрываясь ледяной коркой, – и всю мою нерешительность смыло студеной водой. Лекарь тогда удивлялся, что я выжила. Я и сама

удивлялась – дойти в подобном состоянии сродни чуду. Или магии. Верно, лишь благодаря случайно пробудившимся во мне силам, я и доползла в тот день. А если бы дар не пробудился? Если бы…

Так что терла и мыла я со злостью, поджав губы и пытаясь не смотреть в сторону хозяина. Вот только толку от этого было чуть. Стоило мне закончить, гаденыш приказал мыть заново. Видите ли, на полу остались следы от моих грязных ботинок!

– Да, и не забудь почистить ковер, – кивнул небрежно Вандерфилд.

Я – уже багровая от усердий и взмокшая, лишь зубами скрипнула.

– Он же чистый!

– Разве? – Вандерфилд с деланным удивлением поднял светлые брови, взмахнул рукой с бокалом и на пушистый ворс полетели капли красного вина.

Я опешила, глотая все те оскорбления, что пришли мне на ум. Вина в нашем доме не водилось, но я хорошо знаю, как тяжело отмывать пятна от ягодного сока. А это примерно одно и то же!

Вандерфилд криво усмехнулся, внимательно глядя в мое пылающее лицо.

– Что-то не так? Тебе что-то не нравится? – почти ласково поинтересовался он.

Скрипнула зубами.

– Мне нужны средства для чистки ворса. Его нельзя мыть мылом, можно испортить.

– Испортишь – будешь выплачивать, – еще нежнее произнес этот гад.

Я тяжело втянула воздух. Выплачивать? Да этот проклятый ковер стоит дороже нашей квартиры в Котловине!

– И это касается всех вещей, – усмехнулся Вандерфилд. – Поняла?

Хотелось заорать «за что?» – но я снова промолчала. Глупый вопрос. Аристократы все такие – напыщенные и высокомерные. А я нанялась в прислуги, так что молчи, Тина.

Вздернула подбородок, смахнула со лба прилипшие пряди и выдавила улыбку.

– Трудно не понять, когда так доходчиво объясняют. Позволь, я посмотрю, какие моющие средства есть в чулане? Те, которых не хватает, нужно приобрести.

В глазах Эша мелькнул удивленный огонек. А может, мне и показалось, я уже не смотрела. Деловито прошла в ванную и открыла дверцу.

– Это не чулан, это кладовая, – насмешливый голос за спиной заставил вздрогнуть. И что он за мной таскается, это Вандерфилд? Заняться нечем? – Хотя откуда тебе знать… Ты ведь с окраины. У вас там все – чулан.

– Очень смешно, – я перебирала пузатые бутылки, разбираясь в наклейках. И не сдержалась: – Да, я с окраины. Из Котловины, как говорят такие, как ты.

– Ого, слышу классовую ненависть, – насмешки в хрипловатом, словно простуженном, голосе стало больше. – Если ты так ненавидишь нас, то зачем выгрызала себе место в ВСА? Сидела бы и дальше за оградой.

– Я ничего не выгрызала! Мне просто предложили учебу здесь! – вцепилась я в бутыль, пытаясь прочитать хоть слово на этикетке, но буквы прыгали перед глазами.

– Лгунья, – Эш стряхнул с рукава невидимую соринку. – Даже на места поломоек огромная очередь. Сюда невозможно попасть «просто». И это все знают!

Гневно вскинула голову. Зеленые глаза снова сверлили мою голову, а просторная ванная комната показалась слишком маленькой. Впрочем, теперь нам двоим везде будет тесно, это очевидно. Хотела заорать, что не вру, даже рот открыла. Но передумала. Дернула плечом, подхватила ведро, наполненное чистой водой.

– Думай, что хочешь.

И прошла мимо, с трудом удержавшись от искушения толкнуть наглеца или окатить мыльной пеной его замшевые туфли. Но сделав это, я мигом вылечу из ВСА. К сожалению, мы оба это понимали.

Опустилась на колени возле красных пятен, обезобразивших ворс, осторожно нанесла раствор мягкой губкой. И не жалко этому проклятому аристократу портить столь красивую вещь? Хотя он меня в реку скинул, а тут какой-то ковер… Ничего этим бездушным не жалко. Души нет – и жалеть нечем!

Вандерфилд снова уселся в кресло.

– Ты хоть читать умеешь? Вас в Котловине этому учат?

Я прикусила изнутри щеку. Вскинула голову и заморгала с видом деревенской дурочки.

– Знаю несколько букв. Ну а когда в книжках картинки, там и читать не надо, все и так ясно!

Он наклонился вперед, пытаясь понять, на самом деле я такая дура или притворяюсь. Я снова хлопнула ресницами и смачно шмыгнула носом, подражая мальчишкам-хулиганам с окраин. Вандерфилд отшатнулся, словно перед ним не девчонка из Котловины, а ядовитая дикая виверна! И к моей радости, пялиться на меня прекратил, ушел в другую комнату, хлопнув дверью. Так что я вздохнула свободнее, а ковер чистила уже в блаженной тишине и пустоте. А закончив, ополоснула ведро, аккуратно развесила на край тряпку и привела себя в порядок. Умылась, помыла руки, очистила по возможности одежду. И задумалась. Вот с платьем срочно надо что-то делать. Убирать и ходить на занятия в одном и том же – невозможно. После сегодняшней уборки наряд нужно стирать. А я пока даже не понимала – где.

Ладно, разберусь. Вытирать руки о белоснежные полотенца не стала – побоялась. Помахала в воздухе, решив, что и так высохнут.

Вандерфилда не было. Потоптавшись, я крикнула, что уборка закончена и я приду завтра. Ответила мне тишина, но я решила, что этого достаточно. И сбежала из роскошных комнат.

Оказалось, что там я провела весь остаток своего первого дня в ВСА. И в синее крыло вернулась к ночи.

И здесь-то меня и накрыло осознание! Руки тряслись от усталости и пережитого шока, голова отказывалась мыслить. Живот урчал, напоминая, что я целый день ничего не ела. От платья несло моющим средством и какой-то затхлостью. Запоздавшие студенты шарахалась от меня в сторону, встретив в коридоре.

Я остановилась возле знакомой двери с цифрами 24, сделала несколько глубоких вдохов, прогоняя непрошеные слезы. Показывать свою слабость соседкам не хотелось. Пусть они и хорошие девчонки, но все равно пока чужие. Так что вошла я, широко и беззаботно улыбаясь. Соседки расстилали кровати и взглянули удивленно.

– Тина, это ты! А мы уже гадали, куда ты пропала! Ой, ну и вид у тебя! Ты почему такая взъерошенная?

– Все в порядке! И вам – хорошего вечера! – бодро отозвалась я. Кинулась к своим вещам, схватила полотенце и чистую одежду. – Девочки, а где можно помыться, расскажите?

Сестры переглянулись.

– В конце этажа лестница, наверх поднимайся. Только горячая вода там уже закончилась, раньше надо было приходить. И со щеколдой осторожнее, она там заедает. У тебя точно все хорошо?

– Лучше не бывает! Просто прекрасно! – уверила я, выбегая из комнаты. Жалости или даже сочувствия от близняшек я не хотела. Сейчас смою с себя усталость и снова стану довольной и радостной Тиной!

Быстро добралась до указанной комнаты, вошла. Тусклая лампочка осветила небольшое, но чистое помещение. Пустое. В это время желающих искупаться

больше не нашлось. Помывальные для студентов Синего Крыла не шли ни в какое сравнение с роскошной ванной комнатой Вандерфилда. В узкой переодевальной стояла скамейка, сверху оказались прибиты крючки. А за перегородкой обнаружился каменный скат и отверстия водостоков. Я разделась, сложила чистую одежду на край скамьи, чтобы капли не долетели. Грязное платье взяла с собой, решив постирать. Надеюсь, соседки позволят развесить его в комнате, а если нет – я что-нибудь придумаю!

Юркнула за перегородку и повернула латунную ручку. Несколько минут просто стояла, заставляя себя привыкнуть к воде. У нас в Котловине не было горячего водоснабжения, дома мы грели железный бак, чтобы искупаться. Но дело это муторное и долгое, так что к быстрым холодным обливаниям я давно привыкла. Уперлась ладонями в стену, подставляя под струю спину и плечи. С водой уходила усталость и дурное настроение. Ничего, справлюсь! Да, судьба изрядно подшутила, снова столкнув меня с Вандерфилдом, но я выдержу! И не позволю себя запугать или сломить! Мне нужно лишь продержаться один год, а там…

Зажмурилась, смаргивая капли воды. Диплом ВСА, даже вольнослушателя – это бездна перспектив! Я найду хорошую работу, мы купим лекарства, которые поставят дядю на ноги. А то и вовсе – наймем заклинателя, умеющего изгонять болезни, даже самые тяжелые! Такие работали в Бездуш, но нам они были не по карману. После ВСА мне станут доступны все чудеса, все блага мира за ажурной оградой! Ну, хорошо, не все, лишь те, на которые я смогу заработать, но ведь это уже ого-го! Разве могла я раньше мечтать о подобном? Да я не видела ничего, кроме Котловины! И была уверена, что вся моя жизнь пройдет там же!

Главное, продержаться, и все у моей семьи наладится!

Сглотнула и потянулась, выпрямилась. Решительно прополоскала пропахшее платье, намылилась сама, смыла пену и откинула на спину тяжелые волосы.

И в этот момент погас свет.

Я застыла. Что случилось? Может, освещение ночью выключают? А близнецы забыли меня предупредить? Или я слишком задержалась?

За перегородкой, отделяющей помывальную от раздевальной, стояла тишина. И темень лежала такая, что хоть глаз выколи! Окон здесь не было. Я на ощупь

повернулась, нашла ручку, закрыла воду. И показалось, что возле скамьи стукнуло…

– Кто здесь? – рявкнула я от страха. В ответ – ни звука. Только капли срываются из водостока и шумно плюхают по камню. Я схватилась рукой за перегородку, сделала осторожный шаг в сторону раздевальной. Кажется, или там кто-то стоит? То ли глаза обманывают, то ли видится плотная густота в углу?

Стало страшно. Все-таки, стою тут голая, мокрая и босая! И что делать?

– Кто там? Я тебя вижу, понял?!

Темнота промолчала. Сморгнув влагу, снова всмотрелась. Да нет там никого! Сама себя пугаю! А свет, наверное, берегут, вот и выключают ночами. Решительно двинулась к скамье, наклонилась туда, где оставила одежду. Пальцы тронули лишь холодное дерево. Провела ладонью дальше – и снова ничего. Да где же моя юбка с блузой? Может, упали?

Прошлась рукой по всей длине сидения, даже ножки ощупала! Проползла на коленях вдоль всего помещения, уже не думая о том, как это выглядит. Все равно ведь ничего не видно! И не нашла ни клочка ткани, ни-че-го! Моя одежда и полотенце, выданное утром ключницей, испарились! На холодном и сыром камне остались лишь влага и мои ботинки!

Я выпрямилась, соображая, что делать. То, что произошедшее чья-то злая шутка – очевидно. Решили поиздеваться над новенькой? И свет выключили, и одежду стащили! И стоят сейчас за дверью, ожидая, когда глупышка из Котловины высунется голой в коридор!

Боюсь, так мне и пришлось бы поступить. А уже утром покинуть ВСА за неприличное поведение! Но воришки не знали, что у меня с собой еще одно платье! Издав торжествующий, но тихий вопль, я метнулась к перегородке так быстро, насколько позволяла тьма. На миг сердце упало – показалось, что и эту одежду прихватил неведомый злоумышленник. Но, хвала Святому Фердиону, мокрое платье по-прежнему висело в помывальной. Торопясь, я натянула неприятно липнущую ткань, одернула подол. Натягивать сырую одежду на мокрое тело – то еще удовольствие, да только выбора не было!

Сунула ноги в ботинки и по стеночке дошла до двери. Толкнула створку, ожидая увидеть в коридоре ухмыляющиеся лица студентов. Но там никого не оказалось. Лишь на полу темнела надпись: «Ты пожалеешь». Впрочем, стоило мне моргнуть, как и она растаяла. Я потерла глаза, уже сомневаясь в увиденном.

В комнате Шелли уже спала, а Брин приложила палец к губам, стоило мне войти. Я понятливо кивнула и даже обрадовалась. Девушка удивленно глянула на мое мокрое платье, прилипшее к ногам.

– Облилась случайно, – прошептала я, улыбаясь. Брин вскинула брови, покачала головой и снова уткнулась в учебник, который читала.

Я тихонько прокралась к своей кровати за перегородкой. Остальная комната из моего закутка не просматривалась, и я вздохнула с облегчением. Устало стянула влажную ткань, развесила на стуле. Сама вытерлась углом одеяла. Дрожа, натянула домашнюю пижаму и залезла с ногами на кровать. Дико хотелось есть, тетушкины ватрушки плясали перед голодными глазами. Но еще больше – спать. Первый день в ВСА оказался слишком сложным для простой девчонки из Котловины.

Но он закончился, а я все еще здесь. И завтра все будет гораздо лучше, я в этом уверена! И о том, что случилось в помывальной, и о Вандерфилде, и об украденной одежде я тоже подумаю завтра!

Глава 6

Что мне снилось – не помню, но внутри осталось ощущение чего-то радостного и почему-то ванильно-зефирного. Именно от этого чувства я и проснулась – в животе заурчало, заворчало, а потом и завыло, напоминая, что неплохо бы насытить растущий организм чем-то посущественнее снов!

Открыла глаза и с легким недоумением осмотрела темный бок шкафа и окно. Ну конечно, ВСА. И Вандерфилд, поджидающий где-то в коридорах этого прославленного заведения!

Застонав, я скатилась с кровати и выглянула из-за шкафа.

Соседки – полностью одетые и аккуратно причесанные торопливо складывали в сумки учебники.

– Который час? – ахнула я.

– Скоро первый урок, – отозвалась Шелли. – Мы тебя звали, но ты не проснулась. Вот и решили, что у тебя нет первого занятия.

– Или ты просто решила, что сон важнее, – улыбнулась Брин.

– Есть у меня занятие! – я завопила, суетливо кинулась обратно к кровати, схватила платье. Толстая ткань не успела просохнуть за ночь и оказалась неприятно сырой. К тому же от нее отчетливо пахло средством для мытья ковров, похоже, оно оказалось на редкость стойким!

– Если поторопишься, то успеешь с нами на завтрак! – крикнула Шелли.

– Да я уже бегу! – спотыкаясь, на ходу швырнула в сумку тетради и книги.

– Догоняй!

Ругаясь себе под нос и недоумевая, как же меня угораздило проспать, я сунула ноги в ботинки и вылетела в коридор. Волосы пришлось раздирать тоже на бегу, но толка от этого было мало, моим кудрям требовалось вдумчивое и обстоятельное расчесывание. Так что я плюнула и скрутила кое-как узел на затылке, воткнув в прическу пару карандашей.

Спины близнецов маячили уже у центральных лестниц, куда стекалась толпа студентов, и я припустила со всех ног.

Толчок – и пол стремительно уходит из-под ног, а я приземляюсь на пятую точку. Подол платья взлетел, накрывая мне лицо и оголяя ноги в стареньких вязаных колготах.

– Смотри, куда идешь! – с насмешкой протянул мужской голос.

И следом раздался женский и уже знакомый:

– Эти девки из Котловины не знают, что такое приличия! Трясет тут своим задом в дырявых чулках, фу… Ужасно!

Раздались смешки.

Я откинула подол и осмотрелась. В нескольких метрах от меня кривила рот в презрительной усмешке беловолосая Лисса, рядом усмехалась ее алогубая темноглазая подруга, с другой стороны меня рассматривал Ривз, которого я уже видела в комнате Эша. Остальные ученики косились, но не останавливались, чтобы помочь мне подняться. Напротив – как можно быстрее проходили мимо, почти пробегали. Связываться с троицей, нашедшей себе развлечение в виде унижения новенькой с окраины, явно никто не желал.

Так что поднялась я сама, по возможности – гордо и с достоинством. Оправила платье, пригладила и без того встрепанные волосы. Троица взирала на меня с откровенной насмешкой, а девушки еще и с презрением. Ривз смотрел скорее с любопытством, как на забавного зверька.

Связываться с этими снобами не хотелось, поэтому я попыталась обойти компанию, перегородившую мне дорогу.

– Ты не извинилась, оборванка, – подала голос брюнетка.

– За что? – не поняла я.

– За оскорбление нашего взора своим грязным бельем, – растягивая слова, произнесла она.

Я поперхнулась.

– Извиняться? Вы меня толкнули!

– Ты нас обвиняешь? – глаза Лиссы угрожающе сузились.

Я прикусила язык. Честно говоря, я не поняла, как упала. И троица стояла довольно далеко, так мог ли кто-то из них отправить меня в этот короткий полет? Из-под меня словно выдернули доски пола!

– Дайте пройти, – буркнула я.

– Извинись прежде, – пропела брюнетка. Темные глаза ее блестели, словно вишни, на миг мне даже почудился в них кроваво-красный огонек.

– Да не собираюсь я перед вами извиняться! – возмутилась я. – Что за чушь? Я упала и еще должна просить прощения?!

– Лисса, мне послышалось, или оборванка нас только что снова оскорбила? Она назвала мои слова чушью.

– Так и есть! – сжала я кулаки. Да что происходит?

– Какая глупая пустышка, – равнодушно поморщилась блондинка. Она смотрела спокойно, почти без интереса, словно развлечение больше утомляло ее, чем забавляло. Зато брюнетка явно жаждала крови, чуть ли не облизывалась, рассматривая меня. От ее лица с яркими губами мне стало не по себе.

– Пропустите, – по возможности холодно повторила я, пытаясь держать себя в руках. Хотя больше всего хотелось орать и топать ногами. А еще лучше – впиться брюнетке ногтями в лицо, расцарапать до крови, выдрать волосы… Я уже почти видела, как с боевым кличем толкаю студентку на пол, хлещу по щекам, пинаю, бью! Чтобы стереть с ее лица эту гадкую презрительную усмешку! А потом дойдет очередь и до Лиссы с Ривзом…

Сжала кулаки до боли, напряглась… И выдохнула.

Да что это со мной? Откуда такие желания?

Ужаснувшись своим кровожадным мыслям, я закусила губу и ужом проскочила между Ривзом и стеной. Парень хмыкнул и подвинулся, пропуская меня.

– Магма, ты делаешь успехи, – донесся мне вслед его ленивый голос. – Видели, как девчонка резонирует? Отзывчивая и слабая, уверен, у нее всего три-четыре единицы… Я бы с ней потренировался.

– В твоем исполнении это звучит отвратительно, Ривз, – протянула Лисса и парень рассмеялся. – В ВСА стали принимать всякий сброд…

– О, Лисса, ты еще не знаешь? – промурлыкал парень.

Дальше я не слышала, потому что прибавила шаг и слетела по лестницер на первый этаж. Троица за мной не последовала, так что я на миг прислонилась к стене и перевела дыхание. Что сейчас произошло? И связанно ли это с той странной агрессией, что я испытала? Конечно, алогубая не вызывала у меня положительных эмоций, но в тот момент мне хотелось ее убить! Причем с особой жестокостью! А ведь я всегда была доброй, тетя говорила – даже слишком! Так почему мне безумно хотелось бить и калечить в том коридоре?

До столовой я добрела на подгибающихся ногах. Даже не помню, как добралась, верно, привел запах еды. И только в дверях аппетитно пахнущего помещения пришла в себя и встряхнулась.

Надо разбираться с проблемами постепенно. И сейчас самое важное – насытить ноющий желудок пищей!

У дальней стены просторного зала громоздился длинный стол с тарелками. У меня слюна потекла от вида булочек с творогом, сыра, каши и высоких стаканов с кислым морсом. Набор еды для всех был одинаковый. Подхватив поднос с едой, я осмотрелась. Но, к счастью, никого из старшекурсников не увидела. Ужасная троица, как я их назвала, явно не спешила полакомиться местными деликатесами, так же, как и Вандерфилд. И я этому была только рада!

Шелли и Брин нашлись за дальним столом и, увидев меня, махнули, призывая. Я устроилась рядом и с наслаждением сунула в рот сладкую творожную сдобу.

– Ты словно два дня не ела, – рассмеялась Шелли. Ее сестра с отвращением размазывала по тарелке кашу. – Вкусно?

– Очень! – с набитым ртом подтвердила я.

– А вот Брин терпеть не может завтрак, – снова рассмеялась Шелли. Похоже, эта девушка была готова хохотать по любому поводу. И даже без него!

– Не понимаю, как можно в такую рань впихнуть в себя эту мерзкую кашу! – уныло отозвалась Брин и бросила ложку. – Нет, это выше моих сил!

Я не стала советовать ей мой способ – поголодать день или два. На мой взгляд, и каша, и булочки были очень вкусными.

– Проголодаешься до обеда, – предупредила сестру Шелли, но та лишь фыркнула и глянула на меня.

– Гадость, как ты это ешь? Хотя правильно делаешь, у тебя ведь уровень ЗВ.

– И что? – не поняла я, начиная ощущать внутри блаженную сытость, но все еще надеясь впихнуть в себя третий крендель.

– ЗВ – это только завтрак. Ты разве не знала?

Что? То есть если бы я проспала, то снова осталась голодная на весь день? И это вся моя еда на сегодня? И на завтра, и на послезавтра… значит, только завтрак. Я попыталась взбодриться. Ну что ж, буду стараться, чтобы он был плотным.

– Это обычная практика для вольнослушающих учеников, они ведь не платят за обучение, да и потенциал крошечный. Королевству от них мало толка. Скажи спасибо, что вообще обучают. – Пояснила Шелли. – Многие студенты после занятий и вовсе уходят домой, там и ужинают. Но раз у тебя есть наниматель, ты можешь договориться с ним. Обычно поломоек… хм, помощниц, наниматель и кормит. За свой счет. Для такого, как Вандерфилд, это сущие гроши…

При мысли, что я буду просить еду у заносчивого аристократишки, аппетит пропал и тесто встало поперек горла. Да лучше голодать! К тому же, ем я немного, вполне продержусь и на завтраках!

– Ой, у нас первым уроком – защита, надо бежать! Ты у кого практиковаться будешь?

– Еще не определилась, – пискнула я, плохо понимая, о чем речь.

– Ну, главное, чтобы не Аодхэн! – с придыханием произнесла Шелли, а Брин нахмурилась. – Нам-то не повезло… Ладно, увидимся, Тина!

Я хотела расспросить, но близняшки уже схватили свои сумки и умчались! Ураган просто, а не девчонки!

Уже лениво пережевывая остатки завтрака, я достала свой листок с расписанием. Первым занятием у меня числились загадочные «Основы материализации».

***

Нужная ученическая нашлась почти под самой крышей, в мансардном помещении с двухскатной крышей и большими окнами, через которые лились потоки света. У стен теснились мольберты и накрытые тканью холсты, рядом валялись куски гипса или глины, незаконченные скульптуры, какие-то мотки шерсти, кисти, куски проволоки и прочий «мусор». Даже на столах громоздились непонятные мне сооружения и предметы. Все это напоминало то ли голубятню, где вместо птиц – расселись студенты, то ли мастерскую безумного гения. А судя по желтым шейным платкам, здесь собрались первогодки. К моему удивлению, рядом со мной опустился на лавку тот самый парень, что отводил вчера в апартаменты Вандерфилда.

– Аддерли, – сухо поздоровался он. – Я Томас Грин.

– Меня зовут Тина, Томас, – улыбнулась я, отчего парень почему-то смутился. Хотела расспросить об уроке, но дверь распахнулась, впуская сквозняк и невысокую стройную девушку в светлом платье. Она тоже напоминала пичугу и в этом классе смотрелась невероятно органично.

– Преподаватель Тензия Лебвест, – тихо и как-то по-особенному произнес Томас.

А я сдержала улыбку. Похоже, мой сосед по столу был тайно влюблен в симпатичную и улыбчивую учительницу. Впрочем, судя по взглядам, здесь все были в нее были влюблены. И очень быстро я поняла – почему. Тензия Лебвест словно светилась изнутри и, глядя на нее, тоже хотелось светиться и улыбаться.

– О, у нас новая прекрасная ученица! – восторженно пропела она, увидев меня. – Как чудесно! Тина Аддерли, мои дорогие, будет учиться с нами!

Мне помахали руками, кто-то даже улыбнулся. Не иначе солнечная Тензия всех заразила своим дружелюбием, ведь раньше я видела лишь ухмылки и косые взгляды.

– Но не будем терять драгоценное время! Начнем, мои дорогие! Все готовы?

– Да, госпожа Лебвест! – хором грянул класс.

– Замечательно, я вами горжусь! – рассмеялась преподавательница. – Начнем с тебя, Томас. Ты определился с материалом?

– Я думаю, это металлическая проволока, – слегка неуверенно ответил парень.

– Да? – Тензия на миг задумалась. – Не глина? У тебя хорошо получалось. Что ж, значит так. А ты, Амелия?

– Дерево, госпожа Лебвест, – пискнула девушка с соседнего стола.

Один за одним «желторотики» называли материал. Когда дошла очередь до меня, я лишь развела руками.

– Простите, но я не понимаю…

– Ах, милая Тина! Вы не понимаете!– преподавательница огорченно всплеснула руками.

– Надо было изучить теорию, – буркнул рядом Томас. – У тебя ведь есть учебник!

Я покосилась на книгу. Учебник-то был, но времени, чтобы заглянуть в него – не минуты.

– Как нам известно, чары – это необходимое условие для изменения мира, – напевно произнесла девушка-птичка. – Но скажите мне, Тина, вы ощущаете их, свои чары?

– Нет, – растерялась я. И правда, никаких изменений в себе я не чувствовала и даже порой мелькала мысль, что в Магистерии ошиблись, нет у меня никакого потенциала.

– Вот именно! – она довольно улыбнулась. – Чтобы научиться их чувствовать, а после – применять, мы и находимся здесь! Еще наши предки заметили, что наилучшее раскрытие чар происходит через творчество. Кто-то лепит скульптуры, кто-то рисует или гнет проволоку… Так мы создаем материальное воплощение нематериального, переводим мысль в материю. И так учимся осознавать свой потенциал, ощущать его, растить и применять! И для начала вам нужно выбрать материал и способ, дорогая Тина!

Она указала широким жестом на стену, возле которой в кучу было свалено все подряд. Первым я подобрала кусок железа, повертела в руках.

– Тяжелый материал, обычно выбирают мужчины, – подсказала Тензия. – Ищите свое, Тина. Ваше отзовется, не сомневайтесь! Сосредоточьтесь. Вы научились погружаться в пустоту? Ищите!

Я неопределенно хмыкнула. Вместо погружения я болтала по переписке с Брин, так что сейчас двинулась вдоль стены с изрядной долей сомнений. Я трогала холсты, пачкала пальцы красками, гладила глину, гипс, мрамор и дерево, путалась в нитях и тканях, но ничего похожего на пресловутый отклик внутри не испытывала. И взяла кусок проволоки только лишь потому, что его выбрал Томас. Уже не знаю, что там с моими чарами, но так я хоть смогу подсмотреть действия соседа!

– Вы уверены. Тина? Что ж, прекрасно! – хлопнула в ладоши Тензия, когда я вернулась на место. К этому моменту все студенты разложили на столах свои материалы, кто ткань, кто кусочки влажной глины. – Сегодня мы попытаемся создать цветок. Любой, на ваше усмотрение. А первое воплощенное растение,

обещаю оставить на своем столе! Приступайте, дорогие!

Студенты погрузились в работу. А уже через несколько минут я поняла, что катастрофически ошиблась с выбором. Проволока исколола мне все пальцы, но сложить ее в какое-то подобие цветка мне так и не удалось. Зато у Томаса все получалось превосходно. Я даже изумилась, глядя, как в его руках металлическая нить послушно закручивается в стебель с бутоном, а жесткий материал обретает нежность и хрупкость растения.

А когда Томас закончил и на миг зажмурился, прикрыв проволочный цветок ладонями, я ахнула. Потому что стоило парню убрать руки – и все увидели живой, самый настоящий подснежник.

– Это вам, – мучительно краснея, произнес Томас, протягивая подарок преподавательнице.

– Это прекрасно, мой дорогой, – ласково произнесла госпожа Лебвест. – Прекрасно! И напоминает нам еще одно основное правила преобразования! Ничто не берется из пустоты. Ничто не уходит в пустоту. Все лишь изменяется. Это Закон! Чтобы создать цветок, для начала необходимо изобразить его или вылепить.

– Значит, на любое воплощение нужен прототип, так? – несколько разочарованно протянул рыжий парень.

– Несомненно, – ответила Тензия. – Чем больше умение и потенциал, тем меньше надо приложить усилий для создания. Слабый заклинатель детально воплощает свою задумку, а сильному достаточно лишь материала и мыслеобраза!

– И мы можем воплотить все, что захотим?

– Не все, Эрик. Чем сложнее задуманное, тем больше чар и умений понадобится. Ведь надо очень подробно, в мельчайших деталях понимать и представлять то, что ты хочешь получить в итоге! Сложные организмы создать почти невозможно, на это нужен потенциал невероятного уровня! Да и смысла нет, ведь, например, гораздо проще вырастить дерево естественным путем, чем сотворить при помощи чар. Ну и конечно, вы никогда не сумеете создать человека.

– Точно, человека надо создавать по-другому! – схохмил рыжий Эрик, вызвав смешки.

– А это правда, что некоторые животные тоже созданы заклинателями? Например, огнезмеи? Или даже… дикие виверны?– негромко спросила девушка с первого стола, которую я уже определила в лучшие ученицы. Такие всегда сидят впереди и все знают!

Класс напряженно притих. Я тоже обратилась в слух. Даже в Котловине не раз обсуждали, что в появлении бездновых исчадий, ползущих из-за Гряды, виноваты заклинатели.

– Глупости, Грейс! – возмутилась Госпожа Лебвест. – Не повторяйте этот вздор, мои дорогие! Чтобы воплотить хотя бы крысу, нужен огромный запас чар, запомните! Что уж тут говорить о виверне, размером с лошадь!

– С летающую лошадь! – снова сострил Эрик.

– Но выходит, у нас всегда должен быть под рукой наш материал? Чтобы изготовить прототип для воплощения?

– Это необходимо тем, чей потенциал ниже сорока единиц, Грейс. У заклинателей с высшим уровнем все иначе и методики обучения у них другие.

Студенты переглянулись. Понятно, что ни у кого из присутствующих уровень не добирался до такой отметки.

– Надо было выбрать глину. Ее таскать легче, – простонал парень с заднего ряда, рассматривая куски железа перед собой.

– Большинство заклинателей всю жизни верны своему материалу, – с улыбкой сказала госпожа Лебвест.

– Большинство?

– Бывают исключения, милая, бывают исключения… Кто еще сегодня порадует меня и воплотит свой цветок?

Студенты снова вернулись к работе.

Я уныло осмотрела уродливую поделку перед собой. Может, стоило выбрать ткань? Все же шить я умею с детства, и говорят, выходит неплохо… Понадеявшись на чудо, накрыла проволоку ладонями, подышала. Но, увы, ничего не произошло. Как лежал передо мной грубый металл, так и остался лежать.

– У меня тоже не сразу получилось, – подбодрил меня Томас, все еще пунцовый от похвалы. – Сосредоточься.

Я лишь вздохнула.

Мастерскую-голубятню я покидала со смешанными чувствами. С одной стороны – урок мне необычайно понравился. С другой – было грустно, что так ничего и не вышло. Но это ведь только начало, в следующий раз я поражу всех, создав не просто цветок, а что-нибудь удивительное!

Окрыленная мечтами, я устремилась на следующее занятие.

Оставшиеся уроки оказались не такими интересными, как занятие у госпожи Тензии. Помимо обучения чарам, в ВСА преподавали общие предметы, ведь заклинателю необходимо знать так много, чтобы менять этот мир!

Но слушала я внимательно, все же у меня есть лишь год, чтобы всему научиться. И даже насмешки студентов по поводу моего платья или прически сегодня мало трогали, даже когда кто-то демонстративно кривился и отсаживался подальше, я лишь отворачивалась. Плевать на чужое мнение, ведь у меня есть цель. И только мысли о Вандерфилде омрачали настроение. Надо ли сегодня снова идти к нему? Перо застыло над недописанной формулой. Вчера я буквально вылизала его апартаменты, так может, могу сегодня заняться своими делами?

К тому же, гадкий сноб не сказал, что я должна драить его полы ежедневно!

Решено, не иду. Червячок сомнения грыз изнутри, нашептывая о грядущих неприятностях, но я решила его проигнорировать.

Глава 7

К сожалению, есть мне захотелось гораздо раньше следующего утра. Активное усвоение новых знаний требовало такого же активного насыщения урчащего живота горячей едой. Булочки и каша давно испарились из моего организма, словно их и не было. К трем часам дня завопил колокол и поток студентов слаженно устремился к столовой.

Я проводила их взглядом и решила потратить свободное время на изучение учебников. Но к ужину голодная слюна снова наполнила рот, а в голове стали возникать дурные мысли.

Разве кто-то заметит, если я осторожно возьму одну тарелку супа и кусок хлеба? Тарелкой больше, тарелкой меньше… Вон сколько их стоит на раздаточном столе! Да никто и внимания не обратит! А я съем быстренько и исчезну! Совесть немного повозмущалась, напоминая, что я не имею права на ужин, но голод быстро заткнул ее слабый глас. В конце концов, разве ВСА обеднеет, если я съем эту несчастную похлебку?

Всего разочек, честное слово! А потом я что-нибудь придумаю…

Широкие двери оказались распахнутыми настежь, словно издеваясь над одной голодной студенткой. Потоптавшись у стены и убедившись, что никому нет до меня дела, я бочком протиснулась ко входу и сделала шаг внутрь столовой. И подпрыгнула от мерзкого звука.

«Воу-у-у-у» – взвыло у меня над головой. Все головы повернулись в мою сторону. Краем глаза я заметила в толпе удивленное лицо Томаса и сочувствующее – Шелли. А еще насмешливое – Ривза. Ну вот, значит, я опозорилась и перед ним.

– У тебя допуска нет, – спокойно пояснил мне какой-то ученик. – Проверь у ключницы.

– Я… я проверю… Верно, ошибка…

Ощущая себя гаже некуда и готовая провалиться от стыда, я резко развернулась и бросилась прочь.

Щеки горели, а ладони, напротив, похолодели. Вроде, ничего страшного и не случилось, но стоило вспомнить, как я стояла в освещенном проеме – в своем старом платье, с голодными глазами… и все смотрели, пялились, усмехались! Брр…

В комнату возвращаться не стала, добрела до помывальной, к счастью, пустой. Включила воду, умылась, надеясь смыть с себя и неприятные ощущения. Дернуло же меня позариться на суп, ведь сроду не брала то, что мне не положено! И вот надо же…

Вздохнув, я закрыла кран и вытерла лицо рукавом, снова ощутив запах чистящего средства.

И вспомнила о своих пропавших вещах. За кучей новых сведений и знаний, сыпавшихся на меня нескончаемым потоком, я умудрилась забыть о вчерашней краже!

Еще раз осмотрела помывальную, словно надеясь, что юбка с блузкой куда-то свалились, но ничего не нашла. Я даже встала на четвереньки и заглянула под полки у дальней стены, хотя и понимала, что вряд ли обнаружу там что-то кроме пыли.

– Хм, – раздалось сзади, и я подпрыгнула. За спиной стояла аккуратно причесанная девушка и рассматривала меня с явным недоумением.

– Вещи ищу, – пояснила я, выпрямляясь.

На лице студентки явно отразилось сомнение в моих умственных способностях, но объяснять я не стала. Пусть думает, что хочет.

– Ты Аддарели? – бросила она. И тут же хмыкнула. – Точно ты. Кто еще… Тебя Вандерфилд ждет. И советую тебе поторопиться, он очень злой!

– Но мне учить надо! – возмутилась я, но девушка лишь пожала плечами и убежала, одарив меня напоследок красноречивым взглядом. Похоже, она добавит местному обществу сплетен обо мне. И том, как я ползала по полу в помывальной, разыскивая непонятно что.

Вздохнув, я пригладила волосы и вышла в коридор. Идти к белобрысому снобу ужасно не хотелось, но выбора не было.

Знакомая дверь распахнулась, стоило мне приблизиться, и в лицо полетела белоснежная рубашка. Я едва успела ее подхватить.

– Долго тебя ждать? Где ты шляешься? – рявкнул Вандерфилд. Зеленые глаза угрожающе блестели, на загорелых щеках залегли белые пятна ярости.

Я поежилась. Сказать, что аристократишка зол – это ничего не сказать. Он был в бешенстве. И вряд ли дело в запоздавшей прислужнице. Что-то вывело неприкасаемого из себя настолько, что сейчас я физически ощущала исходящие от него волны ярости. Сильное поджарое тело напоминало сжатую до скрипа пружину – вот-вот рванет. Что-то дикое бурлило внутри высокомерного аристократа, и больше всего мне хотелось убраться от него подальше. Но кто же мне позволит?

– У меня уроки…

– Мне плевать на твои проблемы, ясно? Ты здесь, чтобы я был доволен! Приведи в порядок мою одежду, живо! – сквозь зубы процедил парень. Кроме черных брюк, на нем ничего не было, и я отвела взгляд от загорелого торса. Оказалось, что сложен гад просто отлично. Легкий и свежий запах его кожи проник в легкие, и захотелось сделать глубокий и сильный вдох, чтобы ощутить его ярче, чтобы распознать. И тут же перед глазами встала ледяная тьма…

Я помнила этот запах. Тот же самый, что был на снобе в ту ночь, когда я утонула. Эш Вандерфилд пах льдом и темнотой…

– Ну, что ты встала? Оглохла?

Я стиснула зубы, пытаясь не реагировать. Осмотрела шелковую ткань в своих руках.

– Ты хоть умеешь утюг держать?

– Умею, – угрюмо буркнула я.

– По твоему виду не скажешь, – скривился Вандерфилд. – На какой помойке ты лазила? У тебя паутина в волосах.

Я торопливо провела ладонью по макушке, а белобрысый гад одарил меня еще одним презрительным взглядом.

– И чем только я это заслужил? – его кулак в черной перчатке совершенно неожиданно впечатался в стену рядом со мной, и я подпрыгнула.

Лицо парня исказилось, скулы окаменели, он на миг закрыл глаза, а когда открыл – передо мной снова был блистательный и невозмутимый аристократ. И, кажется, он уже жалел, что позволил мне увидеть вспышку своего гнева.

Зеленые глаза сузились, рассматривая меня. В какой-то момент возникла мысль, что Вандерфилд очень хочет свернуть мне шею. Просто чтобы дать выход своей злости.

Я безотчетно прижала к груди белый шелк, инстинктивно пытаясь закрыться и гадая, что довело Вандерфилда до такого состояния.

– Я велел тебе привести рубашку в порядок, а не испортить ее, – с ледяным презрением бросил Эш. – И вымой руки для начала!

– У меня чистые руки! – возмутилась я.

– В тебе нет ничего чистого! – снова вышел из себя гад. Похоже, один мой вид бесил его настолько, что он терял свою аристократичную сдержанность!

Я задохнулась от возмущения. Больше всего хотелось швырнуть рубашку в лицо Вандерфилда, хлопнуть дверью и гордо удалиться. Эх, если бы я только могла

так сделать!

Но пришлось еще сильнее сжать зубы и проскрипеть:

– Где утюг?

Эш грубо ударил ладонью по стене и выдвинул гладильный столик.

– Ух ты, – не сдержалась я, заработав еще один неприятный взгляд.

Аккуратно разложив шелк, я с опаской взглянула на утюг. У нас дома был самый обычный агрегат – железный и тяжелый. Он долго грелся через толстый шнур от жаронакопителя, а после пыхтел дымом, словно рассерженный кот. А утюг аристократишки оказался легким даже для моей руки. Латунная ручка удобно легла в ладонь, тоненькая струйка пара вырвалась из носика. Утюг явно усовершенствован чарами, у него даже провода нет! Вот бы и нам домой такой, расскажу тете – не поверит!

Тронула кончиками пальцев ткань – гладкая какая… Думаю, ощущать такую на теле невероятно приятно. Словно гладит кто-то…

– Долго мне ждать?

Злой голос вырвал меня из задумчивости. Нервничая, я осторожно приложила утюг к краешку рубашки. Шелк – материя скользкая и привередливая, это я выучила еще в мастерской. Правда, там очень редко заказывали наряды из этой ткани, жители Котловины не носят благородный материал, предпочитая практичное сукно. Поэтому особого опыта у меня не было.

– Скорее! – снова рявкнул Вандерфилд. – Я тороплюсь. И если из-за тебя опоздаю…

Договаривать он не стал, но занервничала я еще сильнее.

– Ты всегда такая медлительная?

– Хватит меня торопить! – не сдержалась я. – Если ты отойдешь и дашь мне сделать мою работу, все получится гораздо быстрее!

– Если я отойду, ты провозишься до утра!

– Я уже почти отгладила! – разозлилась я, сильнее надавливая на ткань. И каков же был мой ужас, когда убрав ладонь, я увидела темный след утюга на белом шелке.

В комнате повисла угрожающая тишина. Страшная. Гнетущая. Я вжала голову в плечи. Это конец. Конец моей учебе и моему пребыванию в ВСА. И еще почему-то было жаль красивую рубашку…

– Я… случайно… я не хотела! Я не понимаю, как это вышло…

Вандерфилд молчал, и от этого мне стало совсем не по себе. Вскинула голову, надеясь выглядеть достойно.

– Неумеха, – почти ласково произнес парень, делая ко мне шаг. Я испуганно дернулась назад, все еще сжимая утюг. Босые ноги Эша бесшумно ступали по толстому ковру. Я пятилась. Пока не уперлась в стену. – Ты испортила вещь, которая стоит дороже, чем ты сама.

– Вещь не может стоить дороже человека, – прошептала я.

Вандерфилд рассмеялся. И я как-то отстраненно подумала, что улыбка у него тоже красивая. И это жутко несправедливо, что все красивое досталось такому гаду. Рука в черной перчатке легла на стену возле моей головы.

– Еще как может, – со странной интонацией произнес Вандерфилд. – Моя рубашка дороже тебя. Мой шейный платок дороже тебя. Моя перчатка дороже тебя, пустышка. Из-за тебя я уже опоздал. Все из-за тебя, чтоб ты провалилась. И тебе придется ответить. За все.

Я задохнулась, с ужасом глядя в слишком спокойное лицо парня. Я думала, что страшно, когда он бушует? О, нет! Страшно, когда смотрит вот так – прищурившись, и почти прижимая меня к стене!

– Не трогай меня. Не трогай! – прошептала в панике. Внутри поднималось что-то странное, непонятное… Вскинулась, прижалась затылком к стене, не желая опускать голову перед мерзавцем. Как раз в тот момент, когда Вандерфилд склонился ниже. Его губы скользнули по моему виску, горячее дыхание обожгло кожу. Я ахнула, инстинктивно дернула рукой, впечатывая горячий утюг в незащищенное тело парня.

Кто зашипел – утюг или Эш, я не поняла. Возможно, оба. На миг я увидела его глаза – ошарашенные. Похоже, Вандерфилд просто не верил в то, что я это сделала…

Да я и сама не верила.

Отпрыгнула в сторону, выронив агрегат, и метнулась к двери. Ужас заставлял меня нестись, почти ничего не видя перед собой. Я бежала по коридорам академии, плохо соображая – куда. Это не просто провал, это жуткое и окончательное фиаско. Я не просто испортила дорогую рубашку, а еще и причинила вред неприкасаемому! Что он со мной сделает за это? То, что с ВСА придется попрощаться – понятно, но вряд ли я отделаюсь так просто! Святой Фердион, как я скажу об этом тете и дяде? Как посмотрю им в глаза? Что со мной теперь будет?

Очнулась я в каком-то пустом и темном помещении. Как забралась сюда – не помню, верно, просто толкнула какую-то дверь. Это тоже была аудитория, только, кажется, заброшенная. Пахло пылью и даже немного сыростью, на стенах темнели портреты великих. В незашторенные окна лился лунный свет, и я вдруг увидела, что сегодня полнолуние.

Со вздохом, уселась на лавку и задумалась. Разум твердил, что надо вернуться и хотя бы попытаться извиниться и загладить свою вину перед аристократом. Правда, вряд ли он простит, обитатели Бездуш не умеют прощать. От воспоминания, как шипела горячая подошва утюга на животе Вандерфилда, мне делалось дурно. Да за это меня отправят в казематы, точно!

Я застонала, сжав виски ладонями. Однако прятаться в темноте вечность невозможно и, превозмогая себя, я выбралась из класса и потащилась обратно. Снова и снова я прокручивала в голове извинения, которые скажу Вандерфилду. Хотя бы попытаюсь сказать…

Но ничего говорить не пришлось. Потому что дверь с цифрой «7» оказалась заперта и на мой робкий стук никто не открыл.

«Может, аристократишка отправился к карателям писать на меня обвинительную?» – невесело подумала я, возвращаясь в свою комнату.

Что ж, надеюсь, арестуют меня после завтрака, и я успею напоследок набить желудок академическими булочками.

Глава 8

Этой ночью я почти не спала. Мои соседки мирно дрыхли под одеялами, а я смотрела в окно на луну и в который раз прокручивала в голове мои бесславные дни в академии. Их оказалось до обидного мало.

Снова и снова перед глазами вставала жуткая картина: я и Вандерфилд. Он наклоняется, а моя рука дергается. И утюг шипит… Как объяснить, что это вышло случайно? Что я не хотела ранить его? Что просто испугалась?

Кто поверит моим объяснениям…

Да даже если и поверят, что толку? Эш наверняка уже донес на меня!

Терзаемая угрызением совести и жуткими картинами своего будущего, я задремала лишь под утро, и то ненадолго. Когда Брин встала с кровати, я уже сидела на кровати умытая, одетая и причесанная.

– Совсем не выспалась, – пожаловалась Шелли, разлепляя глаза, и заныла: —

Брин, давай не пойдем на первый урок, ну давай!

– Живо вставай, – не вняла ей сестра. – Тина, ты уже проснулась?

Кивнула. Разговаривать сегодня не хотелось. К счастью, близнецам хватало общества друг друга, и меня они не трогали. За завтраком Брин снова размазывала кашу по тарелке, а Шелли смеялась по каждому поводу, я слушала их краем уха. И все косилась на дверь, ожидая, когда она распахнется, впуская карателей.

– Слышали, что вчера было? – рядом с Брин упала на лавку невысокая темноволосая девушка.

Сестры покачали головами, я похолодела. Началось… Уже все знают?

– Вы что, не ходили на состязание? – изумилась гостья.

– У нас экзамен у Аодхэна, Ари. Ты же понимаешь. Какие тут развлечения? – кисло отозвалась Брин, и все понимающе вздохнули. Ну, кроме меня, конечно. Я пока не понимала ничего.

– Состязание! – выдохнула Ари. – Это было что-то невероятное! Просто уму непостижимо! Что он творил!

– Кто?

– Вандерфилд!

Я вздрогнула и подавилась чаем. Шелли от души хлопнула меня по спине, восторженная Ари даже внимания не обратила. Похоже, она вообще никого не видела, все еще созерцая в своей голове невиданное и неведомое мне состязание.

– Он невероятен! – простонала она. – Клянусь, он просто невероятен! Он идеален! Что он вчера вытворял, вы бы видели! Публика сошла с ума! И он победил! Вчистую! Всех обошел, да так, словно даже не напрягался! А ведь после того ужасного поражения говорили всякое… Но он победил! Как раньше! О-о-о, это было лучшее зрелище из всех, что я видела! Эш божественен, вы знаете? Просто божественен!

Не в силах усидеть на месте, Ари вскочила и понеслась за другой столик. Верно, там еще не знали о божественном Эше.

– Дура влюбленная, – процедила Брин.

– Что это за состязания? – встрепенулась я.

– Развлечение для богатых и знаменитых, – скривилась девушка. – К ним лучше не лезть, Тина. Если не хочешь стать, как эта Ари. Неприкосновенные не зря так названы. Держись от них подальше. Шелли, ты доела? Мы опаздываем!

Ее сестра покосилась недовольно, но покорно встала.

– Увидимся, – крикнула я вслед девушкам.

И снова посмотрела на порхающую от столика к столику Ари. Даже отсюда видно, как она светится. Брин права, девушка влюблена. Интересно, что будет, если она узнает, как я приложила предмет ее воздыханий утюгом?

Вздохнув, я отодвинула пустую тарелку. Значит, после нашей горячей во всех смыслах встречи Вандерфилд отправился на некое состязание, где победил. Означает ли это, что он будет в хорошем расположении духа и не заявит на меня?

Я снова вздохнула. Потому что понятия не имею, что это означает. Пока понятно лишь то, что я получила отсрочку в наказании. И вред, нанесенный мною неприкосновенному, не так велик, раз он смог победить. Что ж, есть повод порадоваться.

Правда, радоваться не получалось, скорее, наоборот.

На уроках я сидела, как на иголках, плохо слушая учителей и с ужасом ожидания расплаты. Но ничего не происходило. Студенты – шепотом на занятиях, и с криками восторга – в перерывах, обсуждали вчерашнее состязание и блистательную победу Эша Вандерфилда. Всюду только и слышно было Вандерфилд то, Вандерфилд это, так что меня уже тошнило от этого имени.

И ожидание расплаты так меня извело, что стоило прозвенеть колоколу, как я взвилась с лавки и сама бросилась в крыло богатеев.

Постучать пришлось несколько раз. Трусливая Тина даже попыталась убедить Справедливую Тину, что никого нет дома, а значит, можно отчаливать. Справедливая почти сдалась, но в этот момент дверь все-таки распахнулась. Вандерфилд – взъерошенный и сонный, вышел в коридор и зевнул, увидев меня.

– Надо же, сегодня ты решила явиться сама? И даже посылать никого не пришлось? Какая честь.

Он потянулся, незастегнутая рубашка распахнулась. И я уставилась на живот парня с четкими рельефными мышцами.

– А где ожог? – не поняла я.

Вандерфилд усмехнулся, явно забавляясь.

Похоже, мой визит его разбудил. Зеленые глаза щурились от света, на щеке остался след подушки. И сегодня не было ни следа вчерашней злости. Парень выглядел на редкость довольным и расслабленным, в уголках губ таилась улыбка. И даже на меня он смотрел без привычного высокомерного прищура, скорее снисходительно.

Похоже, вчерашняя победа в каком-то состязании привела Эша в прекрасное расположение духа. Я вздохнула свободнее. Раз ожога нет, и парень доволен жизнью, то может, и мне можно не волноваться?

– Рада, что с тобой все в порядке…

– А мне кажется, ты надеялась увидеть на мне жуткую рану, – насмешливо протянул он.

Я задохнулась и сжала зубы.

– Ты ошибаешься. Я переживала…

– Переживала за свою шкуру? Боишься наказания? Правильно делаешь.

Он усмехался, а мне вдруг ужасно захотелось снова приложить его чем-нибудь тяжелым. Зря я волновалась. И совсем забыла, что у богачей есть волшебные мази и лекарства, способные исцелить и не такие ожоги! А я-то ночь не спала, мучилась…

– Раз все отлично, я пойду, – процедила сквозь зубы.

Развернулась, но не тут-то было.

– А кто тебя отпустил? И кстати, за вчерашнее придется ответить, пустышка. Мне не нравится, когда меня гладят горячим утюгом.

– А мне не нравится, когда меня припирают к стене! – вспыхнула я, оборачиваясь. – Ты мне угрожал!

– Я тебе обрисовывал перспективы, – Вандерфилд шире распахнул дверь. – Твои обязанности тебя ждут. Входи.

Скрипнув зубами, я поколебалась на пороге. Но может, лучше сейчас не спорить? Вымою его проклятые полы, и гад от меня отстанет?

Шагнула в полутемное помещение, моргнула, привыкая. В комнате горела лишь одна настольная лампа под абажуром, и после ярко освещенного коридора я видела лишь тени. Дверь позади захлопнулась.

– Ты привел нам развлечение, Эш? – хрипло произнес развалившийся на белом диване Ривз. Незнакомый парень в кресле поднял бокал с вином, с другой стороны хмыкнул еще один.

Я попятилась и наткнулась спиной на тело Вандерфилда. Отскочила от него, как ошпаренная.

– Я зайду позже…

– Зачем же? – откровенно усмехнулся Ривз. Двое других смотрели с ленивым интересом. Ривз нагло улыбнулся и перевернул свой бокал, выплескивая на пол вино. – Твоя поломойка плохо выполняет свои обязанности, Эш.

Я сжала кулаки, с ненавистью глядя в усмехающиеся лица богатых придурков. На миг мелькнула жуткая мысль, что одним унижением дело не закончится. Но ведь Брин уверяла, что неприкосновенные не трогают таких, как я. У них жители Котловины считаются грязью, отбросами. Для них позор к нам прикасаться. «В тебе нет ничего чистого», – так сказал вчера Вандерфилд.

Значит, меня они не тронут, так и будут глумиться, расплескивая вино и заставляя убирать. Сволочи.

– Девочка туго соображает? – протянул тот, что сидел в левом кресле. Его русые волосы свисали до плеч, на левом виске белел выбритый символ.

– Она из Котловины, Эдди, – хмыкнул Ривз.

– Это заметно, – скривился второй, темноволосый.– Вандерфилд, ты не мог найти кого-нибудь почище? Смотреть ведь больно.

Мои ногти впились в ладони. Смотреть больно? Да чтоб у тебя глаза лопнули!

– Она меня сама нашла, – негромко отозвался за спиной Эш.

– Вечно тебя все сами находят, – проворчал Эдди, остальные рассмеялись.

– Убери здесь, – снова усмехнулся Ривз. – Живо.

Я повернула голову и встретила взгляд зеленых глаз. Вандерфилд так и стоял позади. На миг показалось, что он отпустит меня, прекратит это. Но Эш равнодушно пожал плечами.

– Забыла, где ведро?

Я смерила его презрительным взглядом, задрала подбородок и скрылась за дверью кладовой. Пока набирала в ведро воду, убеждала себя, что ничего

страшного не происходит. Ну хочется этим гадам смотреть, как я мою пол – пусть смотрят! Если их это забавляет, это их проблемы!

Со шваброй в руках вернулась в комнату и, не глядя на парней, вытерла разлитое вино. За спиной плеснуло – это Эдди опрокинул свой бокал. Я до белых костяшек обхватила древко швабры, молча развернулась и вытерла. Но тут же плеск раздался со стороны незнакомца в кресле.

Краем глаза я видела усмешки. Похоже, парни не впервой так развлекаются. Сидят, попивают вино, обсуждают состязание, и попутно гоняют прислугу, словно комнатную собачку. Очень весело! Мои руки задрожали от ненависти. Как бы я хотела треснуть этой шваброй по наглой роже Ривза или Эдди. А еще больше – Вандерфилда, стоящего у стены и молча наблюдающего. Отдубасить как следует, чтобы вбить в больную голову уважение к людям. Его лицо скрывала тень, не давая увидеть выражение. Хотя на что там смотреть? Все как всегда – высокомерие и снобизм!

А я-то наивно полагала, что Вандерфилд меня простил, и наказания за ожог не последует. Бездушные не прощают. Как я могла об этом забыть?

Плески раздавались со всех сторон. Стоило убрать у дивана, как вино брызгало возле кресел. Я молчала, изо всех сил сдерживая злость. Не позволю увидеть этим гадам мои эмоции! Не за что не позволю!

– Мне кажется, ты не справляешься, – протянул Ривз. Его темные глаза влажно блестели при свете лампы. – Может, тебе попробовать без швабры?

Я задохнулась. То есть я должна ползать перед ними на коленях? Да ни за что! Вцепилась в деревянную ручку с такой силой, что та скрипнула!

– Я справляюсь, – сквозь зубы проговорила я, пытаясь не сорваться.

Ривз подался вперед, опершись локтями о колени.

– Здесь очень жарко, правда, пустышка? У тебя пот на висках.

Жарко? Стоило ему сказать это, и горячая волна прокатилась по телу. И правда, как же здесь жарко… почти невыносимо! А мое платье из такой плотной ткани! Да еще и теплые шерстяные чулки…Если расстегнуть верхние пуговицы, должно стать легче. Плохо соображая, я вытащила костяные бусины из петелек, оголяя шею и верх груди. Руки сами собой потянулись к заколке, распуская волосы. И все равно жарко! Снова выплеснулось вино. Кажется это сделал Эдди…И я вдруг испытала жуткое желание, чтобы жидкость вылилась на меня. На горящую кожу. Может, тогда я хоть немного остыну!

– Жарко… – прошептал Ривз, не спуская с меня темных, лихорадочно горящих глаз. – Хочешь?

Я дернула головой, разворачиваясь к нему. Он смотрел, не мигая. В руке покачивался бокал. Я сделала шаг, приближаясь. Пальцы парня опустились в вино и капли брызнули на мое тело, в раскрытый ворот. Ривз втянул воздух, наблюдая.

И мне хотелось податься к нему навстречу…

К этому придурку?!

Да что со мной?!

Ужас сдавил горло. Стою растрепанная посреди комнаты, с пульсирующими висками, расстегнутым почти до пояса платьем и спущенным с левой ноги чулком. Когда я его сняла? Как? Что происходит?!

Швабра со стуком выпала из рук. Я стянула края ворота, запахнула, закрываясь. Затравленно осмотрелась.

Парни уже не улыбались, в их взглядах сквозило что-то совсем иное. Ничего общего со смехом. Они подобрались, словно каждый готов был вскочить, чтобы…

– Не останавливайся, – хрипло приказал Ривз. – Жарко…

Я прижала ладонь к горлу, мотая головой. Перед глазами плыло, тело горело. Надо бежать… Бежать! Иначе это все закончится плохо. Для меня. Это уже

очень плохо, раздери меня виверна! Да, ко мне не прикасались. Но еще несколько минут – и я разденусь сама!

Ужас и ярость смешались внутри, помогая сбросить туман.

– Ты прав. Жарко. Остудись!

Из последних сил я подхватила ведро и вылила грязную воду на голову Ривза, не пожалев дорогой диван!

– Какого хрена?! – совсем неаристократично завопил парень, вскакивая и отряхиваясь.

Я же метнулась к двери и наткнулась на застывший взгляд Вандерфилда. Что выражало его лицо – не понять. Может, он в бешенстве, что я испортила еще одну дорогую вещь? Но мне было уже наплевать. От обиды и ненависти перехватывало горло.

– Сволочь, – выдохнула я, глядя в потемневшие до черноты глаза. – Ты уже убил меня. Тебе мало? Мало?! Ненавижу тебя.

Красивое загорелое лицо побледнело. Вандерфилд стоял между мной и дверью, и не думая, я со всех сил толкнула его в грудь, заставляя отступить. А потом метнулась в коридор. И снова я неслась прочь от двери с цифрой «семь». И снова не знала, что со мной будет завтра. Но на этот раз я не боялась. Если Эш Вандерфилд решит наказать меня, я расскажу то, что он надеется скрыть. Расскажу, что именно случилось со мной на реке.

Глава 9

Каким-то непостижимым образом ноги снова принесли меня в ту же пустую ученическую, что и вчера. Я упала на лавку и уткнулась горящим лбом в ладони. Правда, ненадолго.

– Ты помнишь, – хриплый голос за спиной заставил вздрогнуть и обернуться. Вандерфилд стоял возле двери, лунный свет делал его лицо старше и жестче.

Я медленно выпрямилась. Сквозняк холодил голую коленку. Один чулок остался в комнате гада, и я подумала, что так останусь совсем без одежды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/korolevstvo-bezdush-akademiya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити